

Время собирать камни

Вячеслав Кумин

Цепная реакция

«Автор»

2012

Кумин В.

Цепная реакция / В. Кумин — «Автор», 2012 — (Время собирать камни)

Находясь при смерти, Виктор Баренцев, более известный как Оникс, назначает Каина Иннокента вторым человеком в своей империи – министром обороны и адмиралом Первого Флота Союза независимых миров и тем самым отдает в руки своего самого доверенного человека огромную власть и военную силу. Однако Каина ловко отстраняют от реальной власти, направляя в систему Касабланка, дабы обеспечить ее оборону от возможного вторжения Конфедерации. Но, несмотря на все препятствия, Каин должен продолжить дело Оникса и защитить человечество от возможной угрозы со стороны Чужих. Неясной угрозы, в которую никто кроме него не верит. А политики развязывают новый этап разрушительной космической войны.

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	15
5	17
6	20
7	23
8	26
9	29
10	32
11	34
12	37
13	40
14	43
15	45
16	47
17	50
18	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вячеслав Кумин

Цепная реакция

1

Четыре корабля Первого Флота Союза независимых миров, в открытую называемого пиратским в самом СНМ: линкор «Стек», два фрегата «Сержант» и «Дырокол», носитель авиагруппы из восьми «шмелей» с абордажной командой на борту «Прима» один за другим с минимальным полуминутным интервалом появилась в системе метрополии Марон.

Пиратским флот назывался не только потому, что состоял из кораблей пиратской республики Ассалт, вошедшей в состав СНМ, где продолжали служить бывшие пираты, но и потому, что корабли данного флота занимались тем, что у них очень хорошо получалось – пиратством.

Таким образом командование СНМ одним выстрелом убивало сразу нескольких зайцев. Во-первых, пристроило особенно активно-агрессивную часть своего флота к делу. К любимому делу, ибо даже бывшим пиратам без дела долго сидеть нельзя, начинают дебоширить. Это вам не добропорядочные матросы, живущие только на зарплату...

Во-вторых, командование убирало с глаз долой криминальный элемент. Бывших пиратов хоть и амнистировали, но это не означало, что они тут же превратились в белых и пушистых агнцев. Криминальная натура рано или поздно брала свое, и случалось всякое: воровство, убийства, изнасилования... в общем, все то, из-за чего данные индивидуумы подались в пираты, скрываясь от ока и карающего меча правосудия.

В-третьих, подобными пиратским набегами решались различные тактические и стратегические задачи, без которых Союзу независимых миров пришлось бы совсем туго.

В общем, командование мудро совмещало полезное с приятным, при котором и волки сыты и овцы целы...

– Докладывайте, – затребовал контр-адмирал Иннокент, как только линкор отпустило и он перестал сильно вибрировать, надсадно работая маршевыми двигателями, чтобы вырваться из активного притяжения звезды.

– Гиперпереход завершен... все системы работают нормально.

– Прочие корабли также завершили гиперпереход без проблем.

– Радар?.. – повернулся Каин к офицеру, владеющему самой важной информацией для их эскадры.

– Цель в часе хода. Также только что завершила гиперпереход.

Каин удовлетворенно улыбнулся. Разведка не подкачала, и корабль-цель действительно пришел в систему Марон. То, что он один – редкая удача. Уже давно торговцы ходят исключительно конвоями до десяти бортов под охраной сначала наемников, а теперь полноценно боевых кораблей метрополий: фрегатов, крейсеров и даже линкоров. Обходилось это торговцам в копеечку и не малую, но иначе они рисковали потерять вообще все.

Как правило, охранение конвоев – это давно устаревшие корабли, но у пиратов вообще переделки из торговых судов, так что силы равны, и лишний раз в драку ввязываться не хотелось. Это экономически не выгодно, потому как даже если добыча будет твоей, то полученные в ходе боя повреждения нивелируют ее ценность до минимума. Так что лучше охотиться на таких вот дурачков-смельчаков. И риска почти никакого, и если управиться быстро и без шума, то добыча как правило того стоит.

А СНМ сейчас нужно много денег. Подготовка к войне стоит дорого, и «пиратский» флот постоянными набегами обеспечивал до тридцати процентов военного бюджета.

«Кстати о риске», – вспомнил Каин и спросил:

– Противник?

– Наблюдается две группы из шести меток, две тяжелого и четыре легкого класса в пяти и семи часах хода.

– Все совпадает, – кивнул Иннокент. – Согласно данным разведки – два тяжелых крейсера и четыре корвета.

– Пустяки, – махнул рукой Тур. – Мы даже можем с ними схлестнуться, если что.

– Хотелось бы обойтись без схлестывания... Но мы действительно можем успеть до под-
хода помощи к жертве. Приказ по эскадре – идем на перехват.

– Есть!

Непосредственный командир линкора «Стек» полковник Туринов по кличке Тур начал отдавать соответствующие приказы экипажу своего корабля:

– Штурман, поправка курса: поворот на три часа и плюс двенадцать градусов.

– Три часа и плюс двенадцать градусов...

Линкор, шедший с момента выхода из гиперпрыжка по прямой на малой скорости, отработав маневровыми двигателями, сменил направление движения, чуть вправо и вверх.

– Полный вперед!

– Есть полный вперед.

Вслед за «Стеком», точно сорвавшегося с места, устремились остальные корабли эскадры.

– Время сближения с кораблем-целью? – запросил Каин Иннокент.

– При сохранении нынешней скорости цели – три с половиной часа.

– При увеличении до максимума?

– Шесть-семь часов.

– Приемлемо. Действия противника? Связь.

– На дезу не клюнул... – ответил связист.

– Еще бы, – хмыкнул Тур. – На нее еще никто не клюнул.

– ...Требуют остановиться для проведения досмотра.

– Х-ха!

– Радар? – продолжал запрашивать Каин, не реагируя на реплики Тура.

– Начинают ускоряться на наш перехват.

– Ежу понятно...

– Время подхода противника?

– Соответственно десять и одиннадцать часов.

– Идеально.

Командование данными пиратскими набегами также решало сразу несколько так-
тико-стратегических задач.

Первое, это, естественно, сама добыча. Захваченные в ходе рейдов корабли разбирались на запчасти, и их элементы шли либо непосредственно на нужды строящегося полноценного боевого Флота СНМ, либо продавались на черном рынке за твердую валюту, и уже на эти деньги приобреталось все необходимое. То же самое происходило с грузом, если корабль не шел порожняком. Что редкость, ведь никто не станет гонять корабли пустыми.

Второе, не давали Конфедерации сплотить вокруг себя боевые корабли независимых метрополий. Такие попытки предпринял новый генеральный секретарь Сената Конфедерации миров Леон Зидерберг, дабы этим сводным флотом (своих кораблей у Конфедерации после чудовищных потерь в войне с пиратами, особенно после последнего сражения, не хватало) покончить с зародившимся государственным образованием.

Поначалу метрополии были очень даже не против, ведь три четверти миров что вошли в состав СНМ как раз вышли из-под крыла этих самых метрополий и они хотели вернуть их себе. Но пиратские набеги в звездных системах метрополий нарушили эти планы. Боевым кораблям

приходилось защищать торговые суда, подвергшихся нападению прямо у них под носом, так что ни о каких совместных действиях не могло быть и речи – собственные граждане не поймут.

2

– Обстановка? – спросил Каин Иннокент, входя на капитанский мостик, после отдыха. Комсостав за время гонки тоже успел дважды смениться, отстаивая на вахте по стандартных четыре часа.

– Спокойная, господин адмирал. Все идет точно по графику, через двадцать минут можем приступить к атаке.

Спустя шесть часов гонки за грузовиком эти двадцать минут казались особенно долгими. Экипаж грузового судна, понимая всю безнадежность своего положения, рвал дюзы, выжимая из двигателей все возможное и невозможное, маневрировал, но ничего не помогало. Пираты надежно сидели на хвосте и начали обходные маневры, чтобы зажать жертву в мешок.

Спасатели тоже безнадежно отставали, на целых два часа. Этого достаточно, чтобы десять раз взять судно на абордаж.

«Только зря топливо сожгли, – подумал Каин Иннокент. – Нас следовало встречать на обратном пути, уже с добычей».

Но спасение торговца – не дать пиратам атаковать судно, вошедшее в зону непосредственной ответственности метрополии – скорее политическая задача, влияющая на престиж государства. Иначе что это за государство, которое не может защитить судно в собственных границах?

Впрочем, он также понимал, что местные силы самообороны не дадут им уйти легко, и схватиться с Флотом Марона еще придется. Но это большой проблемы не представляет, и они с легкостью проскочат, лишь бы никто не пришел на помощь из другой звездной системы и не создал совсем уж неприличный перевес сил.

Хотя и на этот случай есть свой план, и в систему тут же вторгнется прикрывающая их вторая ударная эскадра Первого «пиратского» Флота СНМ, которая сейчас находится в состоянии ожидания соответствующего приказа на гиперпереход. Вот только Иннокенту в принципе не хотелось разворачивать настоящее космическое сражение из-за какого-то грузовика. Не стоит он того.

– Дайте связь с этим чудиком, – попросил Каин связиста, кивнув на обзорный экран, где уже хорошо виделся грузовой корабль, ведущий активные маневры.

Грузовик в свою очередь догонял его собрат, переделанный под носитель авиации и абордажной команды. Он уже привычно принаравливался к атаке. Вот открылись створы, через которые выйдут самолеты. А вот и они... шесть «шмелей» покинули носитель и устремились вдогонку за беспокойным грузовиком.

– Одну минутку, господин адмирал... связь установлена.

– Спасибо. Грузовое судно ГСКР-912Т «Меркам», сдавайтесь. Вам не уйти, только лишь продлите свою агонию. И еще, чем дольше вы будете брыкаться, тем дольше абордажники будут вас пинать, так что советую вам побережь свои зубы, ребра и внутренности. Сами знаете, медицинские услуги нынче дороги.

– Пошел к черту... пират!

– Обычно они более сговорчивые и не такие грубые, – хмыкнул Тур.

– Да...

Зачастую подобные угрозы действительно заставляли экипаж сдаться без лишних гонок, но существовали и такие уперто-бесстрашные, как этот капитан, так опрометчиво обрекший себя и свой экипаж на продолжительное избиение, после которого у них будут отбиты все внутренности и переломана половина костей. И зачем спрашивается?

– Ладно, авиации приступить к работе. Только не попортите его слишком сильно, он нам нужен.

– Все будет сделано в лучшем виде! – отозвался командир авиационной группы. – Не первый год замужем...

Бескрылые «шмели», способные летать только в космосе, машины устаревшие как морально, так и физически, все в заплатах от прошлых боевых столкновений, коих в лучшем случае осталось штук пятьдесят, устремились к грузовику.

Грузовое судно огрызнулось плотным зенитным огнем. Роторные пулеметы создали плотную стену огня, и один из «шмелей», попав под перекрестный огонь, закувыркался, взбух шаром огня и разлетелся на куски.

– Ч-черт... – поморщившись, выдохнул Каин.

– Теперь понятно, почему он такой задиристый, – прокомментировал Тур. – Пушек в четыре раза больше положенного. И как ему такое количество разрешили установить?

– Да уж. И теперь понятно, почему он решился на одиночный рейс, – согласился Иннокент. – Дурак... раз подумал, что ему это поможет.

После гибели своего товарища, а пилот действительно погиб, не успев катапультироваться, или же был убит сразу, остальные пилоты стали вести себя более осторожно.

«Шмели» теперь резко маневрировали, уходя с линии огня, и, сблизившись на предельно малую дистанцию, открыли ответный огонь сначала по зенитным точкам противника. Одна за другой зенитные пушки выходили из строя и, наконец, все они замолчали по правому борту.

– Парни, мы выбиваемся из графика, – напомнил Каин, взглянув на хронометр.

Из-за падения в скорости вследствие резких маневров жертвы, спасатели значительно сократили расстояние. Более того, этими маневрами командир атакованного судна выводил их на ближайшую группу боевых кораблей Марона. Теперь становилось понятно его нежелание сдаваться, шансы спастись действительно имелись хорошие. Раньше грузовик пойти навстречу кораблям метрополии не мог, пираты добрались бы еще раньше.

– Ясно, сейчас возьмем его в оборот, – пообещал командир пилотов.

Грузовик продолжал резко маневрировать, но это спасти его уже не могло. «Шмели», избавившись от угрозы со стороны зенитных точек, стали чувствовать себя свободнее и начали обрабатывать группы маневровых двигателей, лишая жертву высокой маневренности. Одновременно с этим от носителя отделились два абордажных шаттла.

– Время до сближения с противником? – забеспокоился Каин.

– С первой группой кораблей сорок три минуты, сэр. Со второй – час двадцать.

Иннокент недовольно поджал губы. Да, для захвата судна хватит и пятнадцати минут, тем более что теперь вместе с абордажниками ходят и управляющие команды, чтобы управлять кораблем, и не надо тратить время на захват родного экипажа, как раньше, который, как правило, прячется во всевозможных закутках, так что людей не найти. Но абордажникам еще нужно прилепиться к грузовику, а управляющей команде восстановить управление с возможно заблокированных, а то и вовсе разбитых панелей и увести захваченный корабль.

– Может, дезориентируем его как раньше делали? – предложил Тур.

– Поставить кого-нибудь впереди?

– Да.

– Нет... так справятся.

Тем временем шаттлы уже принарамливались к борту грузовика и вот-вот должны были произвести сцепление.

– Но куда его черти несут? – удивился Тур. – Он совсем спятил?!

Грузовик действительно повел себя странно. Он перестал дергаться, что дало возможность абордажным шаттлам без проблем произвести сцепку и начать абордажные действия по проникновению на борт. В то же время судно с ускорением начало отрабатывать правый поворот, уходя с курса сближения с силами Марона, работая уцелевшими левыми маневровыми двигателями, двигаясь прямо на пиратский носитель.

Командир «Примы», заметив это сближение, держал дистанцию с грузовиком, но тот словно продолжал его помогать, то чуть поднимаясь, то чуть опускаясь относительно основной линии движения, заставляя в свою очередь носитель чуть опускаться и подниматься.

– Он мне напоминает собаку пастуха, которая ведет овцу в нужном направлении, – описал действия грузовика Тур. – Мне как-то довелось в одной деревушке наблюдать такую забавную картину. Бегают вокруг овцы, то вправо, то влево, то чуть впереди, то сзади, и овца вбегает прямехонько в ворота загона. Так вот, очень похоже...

– И куда же эта пастушья собака ведет нашу овцу? – спросил в первую очередь себя Каин и проследил дальнейший курс движения.

– Проклятье! – хором вскрикнули Туринов и Иннокент. – «Сержант»!

Грузовик действительно направлял «Приму» в сторону фрегата «Сержант», а точнее – сам целенаправленно двигался к нему, прикрываясь носителем, странными маневрами скрывая свои намерения.

Конечно, глупо ожидать, что командир «Примы», увлеченный маневрами с грузовиком, столкнется с фрегатом. Если уж на то пошло, фрегат сам уйдет с курса или предупредит «Приму» об опасном сближении. Но вот что задумал капитан самого грузовика, знает только он сам. Но ясно, что ничего хорошего для «Сержанта», да и похоже для себя тоже. И дистанция уже мизерная...

– «Прима»! – закричал Иннокент. – Немедленно уйти с курса!

– Куда?.. – опешил командир носителя от странного приказа адмирала, отданного почти срывающимся голосом.

– Куда угодно, но резво!!!

– Понял...

«Прима» начала маневр.

– «Сержант»! Тебя это тоже касается! Сваливай! Этот идиот на грузовике, похоже, решил сыграть в героя!!!

– Понял!

– Абордажным командам покинуть корабль!!! – продолжал отдавать приказания Иннокент.

– Но мы почти взяли его, – ничего не зная и не понимая, стал возражать командир абордажной команды по кличке Страйк, старый знакомый Иннокента по гражданской войне среди пиратов. – Еще один отсек – и командирская рубка прямо перед нами, и тут мы их...

– Живо выполняй приказ! – уже откровенно заорал Каин. – Грузовик идет на таран! Вы просто не успеете ничего предпринять!

– Понял! Уходим! Сворачиваемся, парни. У нас большие проблемы!

Минуты текли слишком медленно. «Прима» ушла в сторону, и теперь со всей очевидностью стало ясно, что грузовик выбрал своей целью фрегат. Он стремился к пиратскому кораблю на полной скорости. Одно слово: камикадзе.

– У него очень большая скорость, – заметил Тур. – Даже слишком...

Грузовик и правда выдавал слишком сильную тягу, которая могла бы его спасти, развеяв он ее в самом начале. Но в самом начале он этого почему-то сделать не захотел. Хотя почему не понятно? Очень даже ясно, чего он ждал.

– Нужно его сбить.

– Абордажная команда, – напомнил Каин. – Но чего они так долго копаются?!

Фрегат пытался как-то сбежать от спятившего грузовика. Это выглядело в высшей степени нелепо, все равно как собака убегает от кошки. Но у него это плохо получалось.

– Еще минута – и он врежется в наш корабль...

– Страйк! Где тебя черти носят?! – не своим голосом запрашивал Каин.

– Мы в ловушке! Корабль заминирован!

– Что?!

– Корабль заминирован! При попытке вернуться назад коридоры рванули! Почти все убиты... остальные, в том числе и я, тяжело ранены. Нам не выбраться из этого хлама...

Связь по неизвестной причине оборвалась. Но у Иннокента сложилось впечатление, что ее сознательно отключил Страйк.

– От грузовика отделились четыре спасательных капсулы...

– Всем! Уничтожить грузовик! Немедленно! Повторяю: уничтожить грузовик! Это подстава – брандер!

Истребители обрушили на корабль всю лавину своего пушечного огня, но грузовику это все равно, что слону дробина. Зайти под дюзы и расстрелять двигатели они не могли. Ракет нет. Не стали вешать изначально, ведь цель казалась такой незащищенной...

Открыл прицельный огонь «Сержант». На борту грузового корабля вспыхнуло сразу несколько взрывов и его повело в сторону от цели. И вот когда все вздохнули с облегчением, случилось непоправимое: в непосредственной близости от фрегата вспыхнул термоядерный шар.

– Реактор, – прошептал Тур.

– А может, бомба.

– Да... слишком все на ловушку похоже. Нет, это и есть ловушка.

– Где «Сержант»? – задал главный вопрос Каин, хотя уже знал на него ответ.

3

Восстановившиеся после выхода из ядерного взрыва системы показывали на месте фрегата чистое пространство. Отсутствовали также истребители. Только лишь спасательные капсулы с грузовика успели уйти достаточно далеко, чтобы их не спалило в ядерном огне.

– Замочить ублюдков! – рыкнул Тур.

– Нет, уходим. У нас и без этого проблем выше крыши.

– Оставшиеся на «Приме» два самолета успеют их догнать и мелко нашинковать, – не отступал Тур, горя жаждой мести. – Мы должны это сделать ради тех, кто погиб!

– Я сказал – нет, уходим прямо сейчас. Немедленно. Это приказ. А тем, кто погиб, уже все равно...

– Есть.

Операция провалилась, более того, потеряны самолеты и целый фрегат. Это очень большие потери, и в ближайшие полчаса они могут вырасти еще, если не удастся удрать от Флота Марона, а они, как видно, непрощенных гостей так просто отпускать не собираются, даже более того, хотят нанести непрощеным гостям максимальный ущерб.

Вторая группа кораблей уже разворачивалась с прицелом идти не вдогонку, а сразу наперез, чтобы не терять время.

– Зажимают... и многовато их.

– Есть какие-то предложения, Тур?

– Нам нужна подмога.

– Не успеют. До звезды еще чапать и чапать, мы слишком сильно углубились, нас три раза смогут завалить. Так что придется обойтись собственными силами, не вовлекая в драку других участников. Если они в свою очередь также не запросят помощи.

– Ну это вряд ли. У них двукратное, а если исключить «Приму», от нее в бою все равно толку никакого, то и вовсе трехкратное преимущество в силе. Позориться только.

– Вот и я надеюсь, что они позориться не станут, – кивнул Каин. – К тому же на данный момент перевес сил незначителен...

– Три минуты до дистанции эффективного огня, – напомнил оператор радарного комплекса.

– Полная боевая готовность.

– Да давно уже готовы, – отозвался Тур.

– Всем кораблям взять на прицел всеми калибрами метку ноль три.

– Готово...

– Дистанция эффективного огня достигнута...

– Огонь!

Линкор «Стек» и фрегат «Дырокол» засадили по противнику из всех стволов. Добавила из пятидесяток «Прима».

– Даже маневр уклонения не сделали...

– За что и поплатились, – согласился Иннокент, наблюдая вспышки на борту малого корабля Флота Марона.

– Учеба учебой, а если нет реальной практики, то считай, что ты никто и звать тебя никак. Без практики никуда...

Корабли противника сделали ответный залп. Туринову достаточно было только сказать одно слово: «начали» – и рулевые, побывавшие во множестве переделок и получившие богатую практику боевых столкновений, отточенными движениями сделали все необходимое, чтобы минимизировать повреждения от ответного залпа.

Корабли разошлись в разные стороны, выходя из зоны поражения, и повернулись так, чтобы основная масса снарядов, которые их все же настигнут, пришлась в днище.

– Встречный бой мы прошли, теперь будем играть в догонялки, – сказал Тур, отмахнувшись от доклада о мелких повреждениях.

– Не совсем. Скорее нас ждут параллельный ход со второй группой кораблей и догонялки с первой группой, – уточнил Каин.

– Да, так точнее, – согласился Тур, еще раз взглянув на показания радара.

Попавший под огонь корабль Флота Марона отстал и вряд ли собирался далее участвовать в активном сражении, разве что для численности. Повреждения не столь велики как могло показаться, скорее сказался психологический эффект, командование не собиралось терять ни одного корабля ради того, чтобы разделаться с противником.

– «Дырокол», приготовьтесь к торпедной атаке. Цель – метка ноль семь.

– На этот раз решил взять более крупную добычу? – спросил Тур, так как под обозначением «ноль семь» шел крейсер.

– Да.

Группы кораблей сближались на параллельных курсах, и в нужный момент адмирал Иннокент приказал пойти на критическое сближение. Это всегда опасно.

– Противник открыл огонь!

Пошли активные маневры на грани возможного, но расстояние стало уже слишком малым и почти все снаряды кораблей метрополии пришли в цель. Линкор, который противник выбрал в качестве главной цели, затрясло от попаданий, и повреждения не заставили себя ждать.

– Разгерметизация в пятом отсеке...

– Пожар в четвертом и шестом...

– Утечка воздуха в седьмом...

– Артбатареям...

– Отставить, всем отставить ответный огонь, – остановил Тура и командира «Дырокола», который наверняка также собирался ответить ударом на удар, Иннокент. – Сблизимся еще сильнее. Но на прицел взять крейсер. Мне нужен максимально точный залп! Чтобы наверняка!

– Ясно...

Произошло сближение на нужную дистанцию, и Каин приказал:

– Огонь! «Дырокол», запускай торпеды, и поддержите их огнем из пятидесяток. Это всех касается.

– Торпеды пущены.

Четыре цилиндра устремились к крейсеру противной стороны. Заработали пятидесятки «Стека», самого «Дырокола» и опасно маневрирующей близ противника «Примы». Пятидесятки накапливают энергию проще и быстрее, чем те же семидесятипятки и тем более стомиллиметровые пушки, отсюда и высокая частота стрельбы. Но и пробивная мощь у них невелика.

Осыпаемый, точно градом, пятидесятимиллиметровыми болванками крейсер попытался убежать и уже в спокойствии разделаться с торпедной угрозой, но его не отпускали. Даже залпы в упор мелких кораблей метрополии не могли заставить «пиратов» отказаться от своей затеи ровно до тех пор, пока две из четырех торпед не настигли свою цель. Две торпеды противнику все же удалось сбить зенитным огнем.

После такого уже не линкору с фрегатом и носителю пришлось спешно бежать от врага, а преследователям, сразу же оказавшимся в меньшинстве в плане огневой мощи, для перегруппировки с остальными кораблями.

Каин, выйдя на общую волну, предложил преследователям отвять, пока они не разобрались еще с кем-нибудь.

По сути своей угроза являлась блефом чистой воды. Даже в таком скоротечном бою немало побитые жизнью корабли Первого Флота СНМ, не получившие полноценного ремонта после памятного боя с Конфедерацией в пределах системы Ассалт, а потом еще и с силами Оборонительного блока (позже ставшего тем самым СНМ), получили существенные повреждения и не могли вести долгий бой. Еще полчаса сколько-нибудь интенсивного сражения могло бы их сломить.

Но командующий Флота Марона, потеряв два корабля, причем крейсер сильно побитым от артогня и еще больше от торпедной атаки, предпочел именно так и поступить – отвял. Они держались на почтительном удалении, дав эскадре Иннокента спокойно уйти в гиперпрыжок. В конце концов их честь спасена.

4

Меркурий – главная судовой верфь Конфедерации миров, точнее, главная военная судовой верфь. Именно на его поверхности и орбите собирались до семидесяти пяти процентов всех военных кораблей, причем не только самой конфедерации, но и независимых метрополий.

Место выбрано не случайно. Во-первых, близко к звезде и не надо гонять из глубин системы, с того же Марса. Во-вторых, планета достаточно легкая, чтобы с нее можно было поднимать достаточно крупные элементы, которые можно собрать только на поверхности, не затрачивая на это слишком много энергии. В-третьих, здесь полно полезных ископаемых, установлено достаточно добывающих, перерабатывающих и производственных комплексов для полноценного строительства. Почти что замкнутый производственный цикл.

В общем, этот безжизненный мирок как никакой другой подходил для промышленного центра, в отличие от того же плотно заселенного Марса, чрезмерно далеких лун Юпитера, не говоря уже о других объектах, также густо заселенных и находящихся еще дальше от Солнца – космических врат. Так что случись какая техногенная катастрофа, а такое случалось не раз и не два, это не приведет к лишним жертвам среди населения.

И на орбите Меркурия развернулось строительство военных кораблей доселе невиданной боевой мощи. А уж размеры... Вся Конфедерация, по сути, работала на создание нового Космического Флота, понесшего жуткие, позорные потери от каких-то переделок – пародий на боевые корабли в пиратской системе Ассалт.

Конфедераты жаждали мести и готовили очень большую дубинку.

Генеральный секретарь Сената Конфедерации миров Леон Зидерберг находился в очередной инспекционной поездке. Он сам бывший флотский офицер пристально следил за тем, как продвигается строительство, и поторапливал подрядчиков, если считал, что происходит неоправданное затягивание работ.

Прошло уже полгода, но Флот, несмотря на лихорадочное строительство, отстроился в среднем только на треть. Легкие корабли вроде корветов и фрегатов имели уже семидесяти- и шестидесятипроцентную готовность соответственно. К тому же их было мало.

Основной упор сделали на тяжелые корабли: линкоры и крейсера. Вот тут дела обстояли хуже, всего сорок пять-пятьдесят процентов готовности. Не говоря о ставших уже легендарными супердредноутах, прозванных сокрушителями, которые предполагалось называть именами древних богов смерти: Танатос, Морс, Птах... В лучшем случае их построили на тридцать процентов.

Таких мощных кораблей строилось всего десять, по два на каждый из пяти флотов. Больше Конфедерация просто не могла потянуть, для этого пришлось бы переводить всю экономику на военные рельсы, а на это никто идти нужным и оправданным не считал. И без того уже свернули большую часть социальных программ, урезали помощь колонистам... Пиратов можно и нужно сокрушить меньшими силами.

И именно это детище генсекретаря Зидерберга волновало больше всего.

Супердредноуты уже получили свой внешний облик, грозный облик, который пугал точно сама смерть, несмотря на то, что зияли темными провалами технологические ниши для установки орудийных башен и ракетных платформ. То и дело эти темные зевы освещались мерцающим светом сварки, а это значило, что работа кипит. Уже началась внутренняя отделка и отладка различных систем жизнеобеспечения и управления, монтировали силовые установки, что и отнимало львиную долю времени постройки.

– Слишком медленно... – недовольно прошептал генеральный секретарь, наблюдая за развернувшейся стройкой через окно орбитальной станции.

Перед ним простирался один из супердредноутов, который он заложил лично, и потому чувствовал к этому еще мертвому левиафану какую-то особую привязанность.

– Нужно ускорить темп работ.

– Но, сэр... работа идет круглосуточно, в четыре смены, – протестовал главный инженер Габриель Вальме. – Ход работ просто невозможно ускорить, мы работаем на пределе возможного. Кроме того, в этом случае на порядок увеличится аварийность, а это жертвы, что в свою очередь приведет к еще большему чем сейчас замедлению работ из-за постоянных проверок и расследований всевозможными комиссиями. Вам это надо, сэр?

Леон Зидерберг недовольно пожевал губами. Ему это не надо. В Сенате из-за этих кораблей и без того проблем хватает. Сколько битв приходится проводить и выигрывать с этими чертовыми политиками не видящих дальше собственного носа.

– Все же изыщите резервы и ускорьте темп работ хотя бы по двум супердредноутам. Потому что такими темпами их не сделают и за два года. А они нужны нам как воздух в очень сжатые сроки. Пираты ведь тоже не сидят без дела.

– Мы постараемся, сэр, – покладисто сказал Габриель Вальме, понимая, что по-другому от генсекретаря не отделаться, а это в свою очередь проблемы уже для него.

– Надеюсь...

Генеральный секретарь торопился, он знал, что сепаратисты, презрительно называемые пиратами, действительно не сидят без дела и тоже ускоренными темпами вооружаются, строят свой флот – настоящие боевые корабли вместо того хлама, что они создали вначале, переделав захваченные торговые суда и полукустарными методами установив на них пушки. Даже удивительно как они вообще могли на таком воевать и... побеждать.

Он торопился. На все большем количестве миров Конфедерации, не говоря уже о спутниках метрополий, зрели сепаратистские настроения, порожденные слабостью Конфедерации, тем более метрополий, не способных защитить свои миры. СНМ, которая, собственно, и нападала на них, – вот парадокс! – вызывала все большую симпатию, и согласно получаемым разведданным кто-то уже подумывал вступить в этот союз, а где-то предлагали создать нечто похожее.

И флот уже требовался не только и не столько для того, чтобы переломить хребет так называемому Союзу независимых миров, сколько одним своим существованием удержать прочие системы от «необдуманных» шагов, показав всем и вся, кто действительно хозяин в галактике.

«И я им всем покажу, кто есть кто», – мысленно пообещал генеральный секретарь себе и звездам, где жили те, кому он собирался все это показать.

5

Уже в главном офисе судовой верфи, заняв за столом место управляющего директора, генеральный секретарь закончил инспекцию, досконально разобравшись с тем, какие проблемы испытывают судовой верфи: чего не хватает, кто стопорит работу, обещая всем виновным в очень корректной форме натянуть глаза на одно место, но виновники все прекрасно поняли.

Леон Зидерберг, проведя выездное заседание по поводу строительства со всеми заинтересованными лицами: министрами и промышленниками, распустил их, дав необходимые поручения.

– А вас, господа разведчики, я попрошу остаться. С вами я еще и не начинал...

– Да, сэр, – переглянувшись, хором ответили глава Разведывательного управления военно-космического флота Ричард Ленский и директор Агентства государственной безопасности Борис Кемран.

– Присаживайтесь.

Главы самых могущественных разведок Конфедерации сели на свои места и выжидательно уставились на Зидерберга.

После смены генерального секретаря они остались на своих местах, хотя уже готовились собирать вещи. Ведь обычно новый начальник на ключевых местах ставил своих людей, которым мог полностью доверять и которые были бы лично преданы ему. Но Леон Зидерберг решил коней на переправе в такой сложный период для государства не менять, но дал понять, что в случае чего церемониться не станет. Это подстегивало разведчиков к самым активным действиям и они исполняли все поручения от и до. На то, собственно, и был расчет. Новые люди работали бы не так рьяно и отговорок бы у них хватало, дескать только сели в кресла, еще не во все дела вникли...

– Какие у вас есть для меня хорошие новости на сегодняшний день?

– Особо похвастаться нечем, сэр, – ответил Ричард Ленский. – Нам удалось уничтожить несколько легких и средних кораблей противника, общим числом в шесть, своими брандерами. Больше на одиночек пираты не клюют. Уже во всех видят бомбы.

– И то хорошо, – кивнул генсекретарь. – Торговцы одиночки вздохнут свободнее. Но усильте давление. Собирайте целые конвои из брандеров. Как только пираты нападут на них в составе эскадры, уничтожайте ее всю.

– Есть, сэр.

– Теперь по поводу жизнеспособности СНМ... Союз, как я понимаю, и не думает разваливаться. Мистер Кемран, информация о смерти Оникса подтверждена?

– Так точно, сэр. Подтверждение есть из семи независимых источников. Виктор Баренцев, больше известный как Оникс, мертв. Это не может быть инсценировкой. Агент из службы моего коллеги, – повернулся Борис в сторону Ричарда, – ликвидировала главаря пиратов посредством отравления.

– Труп кремирован?

– Нет. Э-э... сэр, вы хотите, чтобы мы его эксгумировали?

– Да. Проверьте ДНК.

– Слушаюсь.

– Хорошо, с этим все ясно... – сказал генсекретарь. – Но вы по-прежнему утверждаете, что именно он стоит за созданием этого чертова Союза?

– Так точно...

– Тогда я ничего не понимаю, – картинно развел руки Леон Зиденберг. – Почему же этот СНМ еще до сих пор функционирует? Империи обычно разваливаются со смертью создавших

их императора. В чем дело? Ошибка в роли Оникса, и за образованием СНМ стоит кто-то другой?

– Ошибки быть не может, сэр, – сказал глава РУВКФ. – Оникс являлся главным организатором, более того – единственным.

– Тогда в чем дело? Или, если пользоваться терминологией ядерного синтеза, прошло слишком мало времени и период полураспада еще не наступил? Союз существует просто вследствие инерционных процессов?

– На этот вопрос трудно дать однозначный ответ, сэр, – прокашлявшись, сказал директор АГБ. – Мои аналитики не могут прийти к однозначному ответу. Слишком мало времени прошло...

– А может, как раз наоборот, мистер Кемран? Может, все дело как раз в том, что прошло слишком много времени и произошло накопление критической массы, после чего процесс становится необратимым, так сказать, пошла самоподдерживающаяся цепная реакция?

– Такого варианта развития событий исключать нельзя, сэр.

– Вот и я про что, господа.

Генеральный секретарь откинулся в широком кресле директора Меркурианской судовой верфи и, сцепив пальцы в замок, продолжил:

– Флот, как вы уже успели заметить, строится слишком долго... Сепаратисты со смертью своего идейного создателя, похоже, и не думают разваливаться на составные части. Более того, они наращивают мускулатуру...

– Жиденькая мускулатура, надо сказать, – попытался пошутить Ричард Ленский, но тут же смолк, увидев направленный на него испепеляющий взгляд Зидерберга.

– Какая ни есть, а мускулатура. В бою выигрывает не обладатель перекачанных мышц, а умный, опытный, хорошо тренированный, жилистый боец, которого на первый взгляд плевком перешибить можно. Наш враг именно такой – умный, опытный, тренированный и жилистый. А вот мы больше походим на того самого тупоголового качка. Я только надеюсь, что в отличие от того образа, который мы собой являем, у нас еще есть мозги.

Генсекретарь постучал себе по лбу пальцем правой руки и снова сцепил руки в замок.

– Потому давайте не будем, как прежняя администрация, недооценивать противника и заниматься шапкозакидательством. Это нам слишком дорого обошлось, мы потеряли почти весь флот. Лучше врага переоценить... Враг показал нам, что он коварен и изобретателен. Вам это должно быть известно так же хорошо, как и мне.

– Да, сэр, простите...

– Итак, как я уже сказал, корабли строятся слишком медленно, более того, в этом отношении противник на порядок обгоняет нас. Не только по сроку изготовления, но и по количеству.

– Хочу все же заметить, сэр, что их корабли это мелочь, – сказал Ричард Ленский. – Какие-то не то фрегаты, не то корветы, что-то среднее между ними, даже без гиперпривода...

– Не суть важно. Главное – у них будут корабли. Боевые корабли. Много кораблей. Я хочу, чтобы вы сделали так, чтобы они лишились даже видимости преимущества.

– Вы говорите о терактах на верфях, сэр? – поинтересовался глава РУВКФ.

– Да.

– Боюсь это невозможно, сэр.

– Почему же, мистер Ленский?

– У них хорошо отлажена контрразведывательная деятельность. Свои верфи они берегут как зеницу ока. Чужим туда не проникнуть – это раз...

– Завербуйте, хотя бы на разовую акцию. Не мне вас учить вашим же шпионским штучкам. Потом раздуем из мухи слона...

– Уже пробовали, сэр... – опустив голову, сквозь зубы сказал директор АГБ.

– И?

– У всех рабочих на судоверфях стоит контрпрограмма...

– Это как? – искренне удивился генсекретарь.

– Просто, как все гениальное... Мы провели подобное программирование несколькими рабочими, для начала установив их на мелкий саботаж, так сказать разведка боем. Вроде все прошло удачно, но когда мы подали им сигнал к действию, они просто впали в ступор.

– Мн-да... Придумайте что-то еще. И чем скорее, тем лучше. У них должна земля гореть под ногами, когда мы обрушим всю свою огневую мощь еще и на их головы! Вам понятно?

– Да, сэр, – хором ответили главы РУВКФ и АГБ, кивнув головами.

6

Буквально на следующий день после выездного заседания на Меркурианской судовой верфи генерального секретаря Сената Конфедерации миров, Леона Зидерберга, судовой верфь Акинареса посетил канцлер Союза независимых миров Марк Шульберг, но не с инспекцией, а по гораздо более торжественному случаю, о чем он и объявил собравшимся: министрам, строителям и журналистам. А через последних всему населению СНМ.

– Дорогие друзья! – воскликнул канцлер, стоя на помосте, и его услышали все в огромном зале орбитальной судовой верфи.

Рядом с канцлером, стояли члены Совета – президенты независимых планет СНМ, адмиралы флотов и часть министров.

За их спинами, всего в паре десятков метров, за прозрачной сверхпрочной перегородкой кварцевого стекла, где начинался ангар, из которого заблаговременно откачали воздух, огромной тушей на стапелях стоял корабль.

– Друзья! Сегодня один из самых великих дней нашего Союза после образования самого Союза! День Военно-космического Флота! Многие могут сказать, что у нас есть Флот, и это так. Имеющийся Флот не раз и не два спасал нас от захватнических действий наших врагов! Но корабли, состоящие в нем, старые, переделанные из гражданских судов, потому что ничего другого раньше мы себе позволить не могли, а потому не могут далее служить надежной защитой, когда враг, не отказавшийся от имперских амбиций, строит новый более совершенный флот...

Но сегодня в этот великий день мы спускаем первый полноценный боевой корабль! Он в числе прочих, что строятся на этой замечательной судовой верфи, будет оберегать нашу независимость от посягательств на наш образ жизни кого бы то ни было! Ура, товарищи!

Собравшаяся массовка взорвалась шквалом аплодисментов.

Под рукоплескания толпы канцлер нажал на кнопку, и заблаговременно подготовленная бутылка шампанского, привязанная красной ленточкой к носу корабля, вылетела из пневмопушки в сторону борта. Зеленая бутылка, соприкоснувшись с броней многоцелевого корвета проекта ТТ-602, беззвучно разбилась на десятки осколков, а шампанское вздулось пенной полусферой и разлетелось брызгами.

«На взрыв от попадания снаряда похоже, – невольно подумал Каин Иннокент. – Вскоре тебе придется ощутить их на себе в большом количестве...»

Вместе с ударом с борта слетело покрывало, обнажив название первого корабля: «Оникс».

Фрегат тем временем стал медленно отползать назад, прочь из ангара в черноту космоса.

Это действительно был первый полноценно боевой корабль ВКФ СНМ. Его построили с небольшим опережением графика, чтобы поскорее провести ходовые и боевые испытания, дабы успеть внести необходимые изменения в другие корабли, что строятся в соседних доках на всей судовой верфи Акинареса.

Но на этом демонстрация нового корабля еще не закончилась. «Оникс», отработав маневровыми двигателями, отошел на сотню метров от орбитальной судовой верфи. Развернулся к ней левым бортом, став правым бортом к появившемуся в сотне километрах катеру.

– А сейчас, – продолжил Марк Шульберг, – наш первенец покажет всю свою боевую мощь! Доказав, что на него не зря потратили свои средства граждане Союза независимых миров, отказывая себе во многих необходимых вещах...

Катер, естественно, никто увидеть не мог, виднелась лишь блестящая точка, почти ничем не отличимая от звезд, и увидеть ее можно было, лишь только зная, куда смотреть, поэтому его показывали по большому монитору.

Тем временем корвет развернул в сторону катера все свои сто– и семидесятипятимиллиметровые электромагнитные орудия и по сигналу канцлера произвел залп. Прошло всего семь секунд – и катер разнесло на части.

«Интересно, – подумал Иннокент, – попали ли в него артиллеристы на самом деле или же произвели подрыв?»

Этого не знал даже адмирал Первого Флота и по совместительству министр обороны СНМ, кем и являлся Каин.

Зная, что умрет, Виктор Баренцев, более известный как Оникс, назначил его, Каина Иннокента, вторым человеком в своей империи – министром обороны и адмиралом Первого Флота. Тем самым он сосредоточил в руках своего самого доверенного человека огромную власть и военную силу.

– Исполни мой план... – яростно шептал Баренцев в полубреду от препаратов, которыми накачали его доктора для поддержания жизни. – Обещай мне, Ригель, что ты исполнишь его!

– Я постараюсь...

– Никаких «постараюсь», Ригель! – воскликнул Виктор, схватив Каина за отворот кителя и притянув к себе. – Ты должен обещать мне исполнить все, что я задумал! Поклянись!

Сын Баренцева – Артур, так же только что ставший главой Комитета федеральной безопасности, получив в свои руки всю тайную силу любого уважающего себя государства, непонимающе смотрел то на своего отца, то на Иннокента.

– Клянусь...

Только услышав клятву, Оникс отпустил Каина и устало рухнул обратно на кровать, припав к кислородной маске, чтобы вдохнуть чистый кислород, потому как обычный воздух зарубцевавшиеся из-за отравления токсином легкие уже почти не принимали, как не работали почти все прочие органы. Из-за этого из его тела исходило множество трубочек, по которым поступали лекарства, питательные вещества и выходили отходы. Над поддержанием жизни пациента трудился целый комплекс медицинских приборов и целая бригада врачей.

Несмотря на все эти старания, выглядел он жутко: кожа посерела, покрылась морщинами, глаза впали и замутились... Вообще непонятно что еще держало душу этого человека в этом теле.

Отдышавшись, Виктор Баренцев повернулся к сыну.

– Они не дали мне защитить тебя... не дали мне до конца исполнить свой отцовский долг... Не дали защитить всех вас... весь мир... Они убили меня... не ведая, какому риску подвергли тем самым весь мир... самих себя... Идиоты...

– О чем ты говоришь, отец?!

– Помогай Ригелю во всем... – схватил Виктор Артура за рукав. – Он знает... он все знает... помогай ему...

Дальше речь Оникса стала нечленораздельной, начался бред, и система усыпила его дозой снотворного.

– О чем он?.. – ничего не понимая, спросил Артур. – О каком риске он говорил, от чего хотел меня спасти, в чем мне тебе помогать? Я ничего не понимаю...

– Он просто бредит... – выдавил из себя Каин, стараясь не смотреть в глаза Артура, полные боли, и вышел из палаты.

Не рассказывать же новому главе КФБ, что его отец якобы видел «зеленых человечков», а точнее их корабль, с которым сразился, думая, что это пираты, и лишь чудом выжил. Один из всего экипажа. После чего провел полгода в психушке, пытаемый психиатрами всех мастей...

А когда выписался, обманув их собственным исцелением, и даже вернулся на действительную службу, каким-то образом получив под командование новый корабль, переметнулся к этим самым пиратам, став самым жестоким и результативным из них. В жестоких боях и

кровавых интригах объединил все пиратские бригады в единую силу, уничтожив всех, кто ему не покорился, и создал по-настоящему мощный боевой пиратский флот.

Все это он сделал, дабы использовать их как инструмент для создания еще более мощного образования – своей собственной империи. Империи, способной бросить вызов самой Конфедерации. И все это он свершил для того, чтобы защитить человечество от возможной угрозы со стороны Чужих. Неясной угрозы, в которую, похоже, сам до конца так и не верил, но не смог рисковать и бездействовать. Он хотел подготовиться к их приходу. И у него только-только все начало получаться...

Но Виктор не успел свершить задуманное. Его убили до того, как империя смогла реально окрепнуть под его, несомненно, гениальным руководством. Ибо только гений мог сотворить то, что сотворил он, влив в себя стратега, тактика, финансиста, разведчика, политика, жесткого администратора и координатора. Но его «подстрелили» у самого финиша в каких-то «метрах» от заветной черты...

Нет, такое сыну умирающего человека, и без того производящего гнетущее впечатление, рассказывать не стоит. Раз собственному сыну не рассказал всего сам отец, то и ему не следует. Незачем навлекать тень недоверия и безумия на Оникса, а значит и на самого себя.

7

Проходило очередное заседание кабинета министров Союза независимых миров. Присутствие обязательно, отсутствовать можно только по очень уважительной причине. К несчастью для Каина, у него такой отмазки не нашлось, он не на задании и здоров как бык. Впрочем, болезнь тоже не являлась веской причиной, если только ты не при смерти... Так что он скучал и почти не слушал доклады министров от министерства строительства, сельского хозяйства, промышленности, министерства экономического развития, пропаганды и прочих министерств, что росли как грибы после дождя плодя бюрократических дармоедов.

Зачем слушать одно и то же? У них у все всё плохо и с каждым докладом становилось всё хуже. Чтобы что-то улучшить нужны деньги, а их львиная доля уходит на армию.

Самому Иннокенту как министру обороны докладывать нечего. В любом случае его доклады секретны и передаются наедине с канцлером в формате: как только, так сразу. На подобных заседаниях он ограничивается открытой частью доклада, не содержащего ничего интересного.

Вот, например, министр внутренних дел жалуется на рост протестных процессов среди населения на планете Прерия.

«Я участвовал в пиратском набеге на нее, – припомнил Каин. – Разжигали сепаратистские настроения у колонистов против Конфедерации, неспособной защитить своих граждан от пиратов. В итоге к власти пришел человек Оникса, после чего они отделились, обзавелись собственным Флотом и вступили в СНМ. И вот теперь до людей начинает мало-помалу доходить, что они сделали что-то не то... но уже поздно, поезд ушел».

– Рост протестных настроений происходит и на других мирах на фоне ухудшающейся экономической ситуации. Возникают стихийные митинги, доходит до погромов...

– Я понял вас, Генрих... – поморщился канцлер Союза независимых миров. – Подавляйте их выступления в самом зародыше.

Марк Шultzберг жестом усадил министра внутренних дел и повернулся к Артуру Баренцеву.

– Что скажет Комитет федеральной безопасности по этому поводу?

– Мы работаем над этим, – немного смутившись, ответил новоиспеченный директор КФБ. Он действительно был слишком молод для генеральской должности.

«А я что? – подумал уже про себя Каин. – Как раз в адмиралы гожусь со своими-то тридцатью с небольшим годами?!»

– Есть большая вероятность, что подобный рост протестных настроений не случаен, – продолжил Артур Баренцев. – Мы работаем с зачинщиками беспорядков, выявляя ниточки, которые могут привести к возможным организаторам. Если таковых не обнаружится, то это уже не к нам...

– Ясно.

«Похоже, конфедераты начинают бить нас нашим же оружием», – снова подумал Каин, вспоминая еще одну провернутую им операцию, но уже политического характера.

На Касабланке он являлся участником одного такого процесса политического отторжения планеты путем нагнетания обстановки, устраивая митинги, конфликты с полицией, в общем, провернув искусственную революцию. Ничего нового.

Каин невольно вспомнил Лару, женщину своей мечты. Тогда она ему очень помогла, но делала она это в своих интересах, будучи агентом РУВКФ и стремясь выйти на пиратских главарей. Почти вышла...

Канцлер после оглашения всех докладов оглядел собравшихся.

– Это все? Больше ни у кого нет никаких вопросов, предложений?

Министры сидели молча и не шевелясь. Сказать им действительно нечего сверх того, что они уже сказали. А что касается предложений... Они наказуемы, в том смысле что самим придется все реализовывать, и если не получится – накажут уже реально.

– Понятно...

И вот когда все готовились встать и удалиться, разойдясь по своим кабинетам, чтобы продолжить работу, как только это разрешит канцлер, сказав: «все свободны», он обратился к Иннокенту:

– Господин контр-адмирал...

– Сэр? – удивленно взглянул на Марка Шульберга Каин.

– Теперь что касается вас...

Сказав это, канцлер нервно потерел уголок листка, который взял в руки.

– Это мой указ о некоторых перестановках и новых назначениях.

– Да, сэр... – напрягся Каин.

– Итак... – с хрипом продолжил Шульберг, чем выдал свое изрядное волнение.

Прочистив горло и отпив воды, он продолжил уже нормальным тоном:

– Итак, господин контр-адмирал, вы снимаетесь с должности министра обороны...

Все министры застыли как в стоп-кадре, и в первую очередь Каин Иннокент. Внутри словно что-то оборвалось, услышать такое, это сродни услышать от девушки «я тебя больше не люблю» или «я полюбила другого, а посему – отвали». Обескураживает, сбивает с толку до абсолютного опустошения, аж тошнить начинает...

Каин переключился со своих чувств на слова канцлера.

– ...По причине несоответствия занимаемой должности. Флот под вашим руководством в последнее время понес значительные потери, в том числе эскадра под вашим непосредственным командованием. Последний случай, когда погибло сразу четыре корабля, то есть вся Третья эскадра Первого Флота, говорит о вашей некомпетентности как министра обороны, – продолжал развивать свою мысль канцлер, и с каждым словом его голос становился все тверже, взгляд – яснее, осанка – прямее.

«Сволочь! – со злостью мысленно усмехнулся Каин. – Да ты просто убираешь опасных людей, воспользовавшись сколько-нибудь пристойным предлогом!»

Оно и понятно. Марк Шульберг не дурак и прекрасно понимал, чьи люди его окружают – Оникса – закулисного руководителя СНМ. Но Оникс мертв, и нужно как можно быстрее убрать его людей из своего окружения, дабы обезопасить себя, свое право на власть и более того – стать настоящим канцлером Союза независимых миров, а не безвольной марионеткой в чьих-то руках.

«Вот только насколько далеко он позволит себе зайти? – размышлял Иннокент. – Уберет меня совсем с глаз долой из сердца вон?»

– Вы хотите что-то сказать, господин адмирал? – поинтересовался канцлер, закончив речь.

Каин, ничем не выдав своего возбужденного состояния, разве что мышцы скул секунды три играли, нейтрально на выдохе ответил:

– Слушаюсь... с-сэр.

– Хорошо. Новым министром обороны назначается вице-адмирал Тохара.

– Как на счет меня, сэр? Я уволен из рядов ВКФ Союза?

– Ну что вы, господин контр-адмирал. Вы остаетесь командующим Первым Флотом СНМ. Более того, вы вместе со своим Флотом переводитесь в систему Касабланка – второй по значимости мир Союза после Акинареса. Я как главнокомандующий приказываю вам организовать его оборону от возможного вторжения Конфедерации. А оно скоро последует, в этом нет никаких сомнений и скорее всего именно на Касабланку. Так что это большая честь для вас принять на себя первый удар...

– Слушаюсь, сэр.

– Заодно ваши корабли там подремонтируются. Как вам известно, на Касабланке находится отличная судоремонтная станция... – с улыбкой добавил канцлер Шульберг.

– Конечно, сэр, – также мило улыбнулся в ответ Каин Иннокент, желая в эту минуту разорвать этого ублюдка пополам.

Ведь это получается, что его очень ловко, даже элегантно, так что придраться не к чему, отстранили от реальной власти. Теперь он не может участвовать в стратегическом планировании! У него только один жалкий битый флот из переделок. Разве это сила? Это тень силы.

Но это все не главное. Главное – он теперь не может продолжить дело Оникса, отдавшего ради своего Плана собственную жизнь!

«Что же делать?» – лихорадочно думал Каин, но ответа найти не мог.

Оставалось только ждать и искать любую возможность вновь получить влияние на ситуацию.

– Тогда все свободны.

8

Впервые за много месяцев Каин с удовольствием мылся в бане. К ней он пристрастился на одном из миров Конфедерации – Гардарикии, еще будучи зеленым лейтенантом. В этом мире некоторое время базировался его корабль – патрульный малый авианесущий крейсер, охотившийся на пиратов, отбивая атакованные ими грузовые корабли. В баню его полупьяного пригласили новые знакомые из местных. На Гардарикии в таких небольших срубках из почти необработанных бревен мылись почти все.

В этом домике с печкой и наложенными сверху гладкими камнями, на которые льют воду, его, как ему показалось, чуть не сварили в крутую. Но зато когда Иннокенту наконец удалось вырваться из этого парного крематория, он почувствовал необычайное облегчение. Нет, не из-за того, что вырвался из душегубки, а именно оттого, что его тело словно легким как пушинка. Этакая ипостась невесомости. Прыгни – и полетишь.

И это ощущение чистоты, какого не давало никакое другое мытье, даже с самыми лучшими моющими средствами. Там же, на Гардарикии, он пристрастился и к квасу, который в остальных мирах как только не обзывали, начиная от «безалкогольного пива» и заканчивая «свиной мочой».

Каин, опершись на локоть, приподнялся на лавке в парной, чуть пригубил самодельного кваса, зачерпнув деревянным ковшиком из железной банки, стоящей в кадке с холодной водой, и плеснул остатки на камни. Тут же зашипело, засвистело, и парную с волной жаркого пара заполнил густой запах хлеба.

Улегшись обратно на полку, обливаясь соленым потом, он попытался понять, а чего, собственно говоря, у него такое хорошее настроение, когда до катастрофы один шаг? Два государства активно готовятся к войне, а он лежит и ему хорошо, приятно и даже на душе легко. Но ответа не находил.

«Наверное, я скрытый садомазохист, – подумал Каин, – один из тех, кому хорошо, когда совсем плохо, и чем хуже – тем мне лучше. Вот и в баню хожу – чем не пытка?»

Но Иннокент прекрасно понимал, что это не так. Должна быть другая причина, более реальная и простая. Но жара перегружала мозг, и он зависал, точно компьютер, не в состоянии четко мыслить.

Не забывая себе голову лишними вопросами, Каин попарился, помылся и вышел в предбанник вытираться и одеваться. И тут на холодном воздухе пришел ответ на возникший у него в парилке вопрос: «Просто от меня уже ничего не зависит. Я чист и больше ни за что не отвечаю».

Да, он дал слово Ониксу... Но как его выполнить, если у него отняли власть, всякую возможность влиять на события?

Заходя в зал релаксации с приглушенным светом, где отдыхали после парилки прочие посетители общественной бани, попивая различные напитки и тихо переговариваясь, Каин всегда вспоминал свою первую встречу с Ларой Сеченовой. Или как там ее на самом деле зовут... Он даже питал какую-то странную надежду, желание увидеть ее еще раз при схожих обстоятельствах. Но это все, конечно же, глупость. Они больше не увидятся, ибо по сути своей враги. А если увидятся, то только через прицел своего оружия.

С той встречи в бане на Этоне для него все пошло кувырком. Подстроенная драка, брошенные наркотики и как следствие увольнение со службы. Уволился он вообще-то сам, из-за того что с такими тяжкими обвинениями невозможно далее двигаться по карьерной лестнице. Его невиновность признали, но это не имеет значения, если осадок остался, и его хотели отослать подальше с глаз долой.

Потом он стал наемным пилотом в охране, но в этой роли надолго не задержался. В одном из рейсов он якобы прибил человека, подбросившего наркотики. Каин на самом деле думал, что убил, ведь даже подтверждение было. Далее бегство от правосудия – и в итоге Иннокент попал в ряды пиратов став отбросом общества без будущего из некогда подающего надежды молодого человека.

Тем самым спецслужбы добились своего и внедрили новоиспеченного неявного агента, так называемую темную лошадку в пиратское сообщество. Внедрили его – Каина Иннокента с позывным Ригель. Там ему пришлось по локти запачкаться в крови, убивая своих бывших сослуживцев, чтобы повязать себя кровью...

Ну а Лара, из-за которой все и началось, естественно, оказалась куратором, старательно направляя его, собирая через него информацию, только он об этом даже не догадывался.

Все раскрылось много позже, когда она показала свое истинное лицо, собравшись темной ночью ликвидировать камрад-президента Оникса на Ассалте, только Каин ей помешал. Он уже был посвящен в План Виктора Баренцева и не мог допустить его срыва... хоть до конца и не верил в существование пришельцев.

– А вот я баню почему-то не люблю, – признался Артур, присаживаясь в кресло напротив Иннокента, отрывая его от приятных и не очень воспоминаний. – Отец тоже как ты фанател от нее, хоть ты и не гардарик, а вот я чего-то не переношу, хотя по происхождению должен был бы...

– А квас как? Переносишь или тоже нос как прочие воротишь? – поинтересовался Каин, наливая из своей бутылки в свободный стакан для гостя.

Здесь на Касабланке квас не делали. В баре продают квасной напиток, но это не то. Натуральный лучше, вкуснее и полезнее.

– Квас воспринимаю хорошо, лучше, чем пиво, особенно в жаркую погоду. Сам делал? – спросил Артур, сделав глоток.

Иннокент кивнул.

– Хорошо получилось. Крепко.

– Спасибо.

Артур и Каин замолчали, невольно провожая взглядами двух стройных девушек в одних ну очень коротких халатиках.

– Чем обязан, Артур? – спросил Иннокент, когда девушки прошли, и их больше никто не мог слышать. – Раз ты не любишь баню, значит, это не случайная встреча.

– Не случайная... Ригель.

– Тогда что?

– Отец на смертном одре просил меня всеми силами помогать тебе во всем. Хотя я и не понимаю почему... Из-за этого у меня временами возникает прямо-таки непреодолимое желание проверить тебя на полиграфе с применением сыворотки правды, чтобы узнать в чем же дело.

– Проверь, – флегматично пожал плечами Каин и отпил квасу, – ты это можешь. Нужно только приказать, и меня возьмут тепленьким, скрутят руки, ножки и на кресло.

– А сам ты не расскажешь?

– Пожалуй, что нет. Если отец ничего тебе не рассказал, значит, считал что так лучше. Какой смысл рассказывать мне?

– А может, все же не лучше? Как сказал один мудрец: в знании – сила.

– Другой мудрец сказал, что в знании также сокрыты многие печали... Третий и вовсе говорил, что чем меньше знаешь, тем лучше спишь. Ты хорошо спишь?

– Нормально...

– А будешь плохо. Обещаю.

– А ты плохо спишь? – усмехнулся Артур.

– Отвратительно, – кивнул Каин.

– И все из-за знания?

– Из-за него.

– Вот и верь после этого пословицам, – невесело посмеялся Артур.

– Да, все они двуликие и противоречивые. Вот еще например: закон суров, но он закон.

Или: закон что дышло, куда повернул, дуда и вышло...

– К черту это словоблудие, – уже раздраженно отмахнулся глава КФБ. – Зная все, я мог бы тебе помогать гораздо лучше. А ничего не зная, как я могу понять, что нужно предпринять в том или ином случае, если ты по каким-либо причинам не сможешь со мной связаться?

– Я всегда свяжусь с тобой, когда это будет необходимо, – заверил его Каин.

– А если тебя грохнут?

– А ты на кой? Пока жив ты и находишься во главе спецслужбы, меня не грохнут.

Глава КФБ вызвал адмирала на поединок взглядами, но проиграл и отвел глаза, якобы для того, чтобы разглядеть еще одну красотку с растрепанными волосами, фланирующую уже в мокрой простыне и оттого волнующе прозрачной.

– Ладно, проехали... Так в чем тебе требуется помощь?

– Я ничего не просил.

– Я не дурак и прекрасно понимаю, что что-то вышло из-под контроля, и это помешает исполнить тебе клятву, которую ты дал.

– Не без этого, – согласился Каин. – Но с моим увольнением, то есть переводом, мы объективно ничего поделать не можем. Сам понимаешь, я через суд, как несправедливо пониженный в должности, восстановиться не могу.

Артур согласно хмыкнул, представив себе такой невероятный судебный процесс.

«Или я просто ничего делать не хочу?» – вдруг подумал Иннокент.

– Единственное, что ты можешь и должен сделать, это всеми силами остаться в обойме.

– Пусть только Шульберг попробует меня погнать, я ему так погоню...

– Но от тебя он попытается избавиться в последнюю очередь, что случится не скоро. А времени до начала веселья осталось немного, конфедераты скоро отстроят Флот, там уже станет не до перестановок. Так что тут можно не беспокоиться. Мне даже думается, что Шульберг до конца не воспринимает тебя как реальную угрозу из-за твоей молодости...

– Вот и отлично.

Каин кивнул.

– В дальнейшем мы будем поддерживать связь, обмениваться информацией, и я через тебя буду влиять на ход событий... исполняя данную твоему отцу клятву. Так что все в порядке. Мне даже проще, больше не буду сидеть на этих нудных министерских заседаниях.

Вот радости от этого Каин не ощутил. Только что он разрушил собственную иллюзию о том, что остался не у дел и теперь от него ничего не зависит, а значит, к будущему кошмару он не будет иметь ровным счетом никакого отношения. Увы, это оказалось не так. Ситуация от него зависит, и еще как!

9

Каждое судно, желающее попасть в любую из систем Союза независимых миров, должно было уведомить об этом пограничную службу за двенадцать часов до гиперперехода, сообщив все данные о судне, грузе, грузоотправителе и грузополучателе, а также всю подноготную об экипаже и получить разрешение на гиперпереход.

В случае самовольного проникновения в систему смельчакам грозили большие неприятности, начиная от огромного штрафа с конфискацией груза и даже корабля, возможно, тюремный срок, а если обстановка напряженная, так и вовсе дело могло дойти до полного уничтожения нарушителя.

Но таковых глупцов на памяти Генриха Хайта, получившего очередной запрос на вход в пределы системы Касабланки, еще не нашлось. Все вели себя в разумных пределах.

Генрих, командир пограничного корабля, загрузил полученные данные в компьютер для сверки с имеющейся базой данных. Вся информация подтверждалась, придаться абсолютно не к чему, и он дал положительный ответ, разрешив гиперпереход судна через три часа, именно столько времени требовалось его пограничному кораблю, чтобы добраться до точки гипервыхода и встретить прибывающее судно.

Зачем встречать, когда торговое судно можно встретить где-нибудь на полпути между звездой и пунктом назначения? К чему эта излишняя возня и трата топлива?

Затем, чтобы уже визуально определить, пришло ли то самое судно, что давало запрос, или другое и в этом случае предпринять соответствующие меры, а также, чтобы провести таможенный досмотр груза и сверить реальный экипаж с заявленным. Время-то беспокойное...

– Тернер, правь к шестым воротам, – скучающим голосом приказал штурману капитан Хайт.

– Понял, – столь же тусклым голосом отозвался штурман и принялся за работу.

Что поделат, месячное дежурство никому не доставляло радости. Единственное хорошо, что срок вахты подходил к концу и скоро все вернутся домой к своим женам.

Пограничный корабль «Сторож» развернулся и, увеличивая скорость, двинулся в сторону «шестых ворот».

«Сторож» представлял собой такой же грузовик, какой он уже спешил встретить, но в прошлом. Сначала его захватили пираты и переделали под пиратский корабль-носитель, далее он в числе прочих влился в ВКФ СНМ, но после пересмотра стратегии и тактики Флота, отказавшегося от столь маломерных и маломощных кораблей, вышел из состава ВКФ и стал пограничником.

В последнее время их количество значительно увеличилось – Флот, с прекращением «пиратских акций», отказался от последних так называемых тяжелых рейдеров.

Три часа прошли, и в назначенный срок из звезды выскочил грузовик, оставив на ней круги возмущения, похожие на те, что остаются после брошенного в воду камня.

– Все заявленные параметры совпадают с фактическими, – доложил один из операторов.

– Отлично, – кивнул капитан Хайт. – Надеюсь, и далее все обойдется без неожиданностей.

Служба хоть и проходила скучно, но лучше она пройдет в смертельной тоске, чем с весельем погони. Вот его сменщик Брут не прочь погоняться за нарушителями, о чем трезвонил всем и каждому как по пьяни, так и на трезвую голову, и все время жалел, что так до сих пор и не представилось случая. А Генрих этого всеми силами хотел избежать.

«Это все потому, что у меня жена и маленький ребенок, а у Брута никого нет, – подумал он. – Потому все воевать хочет, конфедератам задницы драть. Полный псих...»

Капитан установил связь с грузовиком, уже вырвавшимся из пределов активного притяжения, и ровным голосом затребовал:

– Борт восемьсот двадцать семь НТ-триста, «Фаербол», вас вызывает командир погранично-таможенного корабля «Сторож», капитан Хайт. Прошу вас двигаться по прежнему вектору, снизить скорость до ноль, ноль одной и принять досмотровую команду. Как поняли, «Фаербол»?

– Вас понял, «Сторож», мы готовы принять досмотровую команду и далее во всем вам содействовать.

– Благодарю за сотрудничество...

Генрих Хайт переключился на другой канал связи и бросил:

– Можете отчаливать, ребята, он вас ждет и обещал не дергаться.

– Вот и отлично.

В ту же минуту от «Сторожа», сблизившегося с грузовиком на километровую дистанцию и выровнявшего с ним скорость, отстыковался шаттл и направился к «Фаерболу».

Грузовик вел себя спокойно, и шаттл легко состыковался с ним. Досмотровая команда из двадцати человек, состоящая из десяти вооруженных охранников, восьми таможенников и двух непосредственно пограничников – офицеров КФБ без проблем проникла на борт со всем необходимым оборудованием для проверки груза без физического вскрытия контейнеров, хотя имели на то полное право, если что-то покажется им подозрительным.

– Добрый день, я лейтенант Фридрих Лайн, – вступив на борт «Фаербол», поздоровался комитетчик, держа в руке лишь небольшой чемоданчик. Его помощник держал такой же. – С кем имею честь?

От встречающей делегации отделился командир грузового судна.

– Капитан Алонсо Бушели.

– Имеются ли на борту запрещенные товары, обозначенные в списке, а также оружие, наркотики, незарегистрированные пассажиры?

– Ничего подобного.

– Замечательно. Но вы не будете возражать, если мы все же удостоверимся в этом?

– Как вам будет угодно, сэр.

– Благодарим за сотрудничество. Приступайте, ребята, – чуть повернувшись к досмотровой команде, бросил лейтенант Лайн.

– Есть, сэр. Пошли, парни.

Таможенники направились в сторону грузового отсека в сопровождении охраны. Одного бойца лейтенант оставил при себе.

– И еще, мистер Бушели, нам помимо груза необходимо проверить и вас, а также вашего помощника с боцманом.

Лейтенант чуть приподнял чемоданчик, акцентируя на нем внимание.

– Не возражаю... – пожал плечами Бушели, уже зная, что в чемоданчике полиграф. – Мне скрывать нечего.

– Тогда идемте в кают-компанию. Там нам будет удобнее всего.

– Следуйте за мной, сэр, – с тяжким вздохом позвал за собой комитетчиков капитан.

В кают-компании агенты Комитета федеральной безопасности затеяли проверку на детекторе лжи капитана судна и прочих названных лиц, но без применения сыворотки правды. Это уже было бы перебором. И так все правозащитники мира критиковали СНМ за такие действия.

Тем временем досмотровая команда вовсе возилась со своим оборудованием, проходя вдоль рядов с контейнерами, сверяя декларации на груз с реальным содержимым, для чего использовали спецоборудование, позволявшее заглянуть внутрь контейнера не вскрывая его.

На экранах проявлялся контур перевозимого груза. Вот в этом контейнере запчасти к различным станкам и оборудованию. Здесь – двигатели для машин и запчасти. Тут – аккумуляторы. Там вообще какое-то сырье.

В общем, все в норме. А если оператор вдруг что-то пропустит от усталости, то компьютер обязательно сообщит о подозрительном грузе, чьи конфигурации хранятся у него в памяти.

10

Агентесса Марьям отключила систему жизнеобеспечения своего кокона, как только ей стало известно, что судно замедлилось и его собираются подвергнуть досмотру. Все данные о состоянии корабля и окружающего пространства поступали на ее крохотный наручный терминал, для того чтобы агентесса могла контролировать обстановку и что-то предпринять в случае угрозы раскрытия.

Что ж, это заранее предусмотрели и потому подготовили спецконтейнер. Он, как и прочие, был заставлен всяческим грузом, в частности различной электроникой, а в центре находился ее «гроб», в котором можно было, помимо лежачего положения, сидеть, согнувшись в три погибели и прижав колени к груди.

Пока все шло нормально. Отключив системы жизнеобеспечения, чтобы не фонили и не выдали ее, она воспользовалась дыхательным аппаратом замкнутого цикла. Кокон, выполненный из специальных материалов, должен уберечь ее от сканирующей аппаратуры и показать, что ничего непредусмотренного декларацией в контейнере нет, только заявленный груз.

Марьям имела возможность отслеживать передвижения досмотровой команды по мини-камерам, установленным по всему кораблю, и особенно ее интересовала камера под номером 117, показывающая ее контейнер 42/15.

По общему плану грузового отсека было видно как таможенники медленно продвигаются по коридорам, не оставляя без внимания ни одного контейнера, сканируя их под разными углами и режимах работы оборудования.

«Ишь какие дотошные», – с некоторой неприязнью подумала агентесса.

Таможенники тем временем медленно, но верно подбирались к ее убежищу. Несмотря на полную гарантию не обнаружения обычными спецсредствами Марьям с неудовольствием отметила, как у нее учащенно забилося сердце. Также непроизвольно она взяла в руки пистолет.

«Успокойся...»

Вдруг корабль тряхнуло, несколько человек из команды от неожиданности попадало на пол и витиевато выругались.

– Что происходит?! – обеспокоено затребовали информации сразу непосредственный командир таможенников и командир группы охраны.

– На пути оказался астероид, пришлось чуток поправить курс...

– Ясно.

Успокоившись, таможенники продолжили работу по сканированию контейнеров и поиску незаконного груза.

Агентесса для снижения ритма сердцебиения хотела вздохнуть полной грудью, но не получилось, дыхательный аппарат мог выдать только определенную дозу воздушной смеси, предназначенную для спокойного и ровного дыхания.

«Проклятье...»

На счет экипажа, а также старшего помощника и боцмана она не беспокоилась, выдать ее они не могли. Просто потому что ни они и никто иной на корабле просто не знали о ее существовании, так что агенты КФБ старались напрасно.

К контейнерному способу перевозки пришли не сразу, а после того как завалилось несколько внедряемых агентов, коих пытались перевезти. То как пассажиров, то как членов команды различных судов. Всех их вычисляли или сдавали посвященные в ходе проверок.

Агентесса знала, что беспокоиться ей нечего. Все, кого внедряли с помощью контейнеров, добрались до места назначения. Доберется и она. Не она первая и тем более не последняя...

Но вот досмотрщики дошли и до нее. Сердце ушло в пятки, и ладонь, сжимавшая рукоять пистолета, мгновенно вспотела. Благо спецпокрытие рукояти компенсировало этот физиологический процесс, и пистолет в руке лежал как влитой, и не думая выскальзывать.

– Так, что тут у нас? – спросил сам себя начальник группы досмотра по имени Тимоти и посмотрел в список груза. – Ага, контейнер сорок два дробь пятнадцать.

– Ну что там? – поинтересовался его приятель Диего.

– Компьютеры...

– Ух ты! Новейшее поколение! – заглянув через плечо, с восхищением выдохнул Диего.

У агентессы что-то забурлило в животе. Не понравилось ей, как взглянули друг на друга эти двое. Так переглядываются между собой сообщники, которым в головы одновременно пришла одна и та же мысль. А то, что они еще и кивнули друг другу, говорило о том, что они пришли к какому-то соглашению.

– Что показывает сканер? – спросил Тимоти.

– А-а... э-э... какие-то непонятки, сэр, – доложил оператор сканера, быстро врубившись в тему и пожелав оказаться в доле.

– Значит надо проверить, – безапелляционно заявил командир и распорядился: – Вскрывайте.

Сопровождающий груз попытался протестовать, заявляя, что все в порядке, но его грубо оттеснили охранники.

– Ничего, парень, от пары десятков комплектов не убудет, а компания не разорится. Тут их пять тысяч штук, – сказал Диего, снимая пломбу кусачками и вскрывая контейнер. – Спишешь на естественную убыль.

– Какая еще естественная убыль?! Это же не скоропортящиеся продукты!

– Придумай.

– Но...

– Отвали. А то в ухо дам.

Экспедитор, затравленно взглянув на таможенников, отошел в сторону.

– Ух ты...

Сразу несколько человек взяли себе по коробке, с интересом разглядывая упаковку.

– Можешь закрывать, Ди, – сказал Тимоти, пряча украденный ноутбук в сумке.

– А ты, сморчок, если кому скажешь, можешь сразу место на кладбище заказывать, – предупредил экспедитора грозный охранник из бывших абордажников. – Если уж на то пошло, можешь себе несколько штук взять в порядке компенсации, и чтобы не так обидно было.

Диего стал закрывать контейнер, как корабль снова трянуло. Не иначе на пути появился еще один блуждающий астероид. От этого толчка коробки с новейшими ноутбуками камнепадом посыпались из открытого контейнера, погребая под собой вороватых таможенников.

С руганью они стали выбираться из завала, проклиная поганого пилота, у которого руки растут совсем не из того места, откуда им следует расти. Наконец они выбрались из кучи, помогая друг другу и спрашивая, не прибило ли кого.

– Все в норме.

– А это что за черт?.. – также выбравшись из завала, спросил, как ни странно, экспедитор, которому полагалось знать о своем грузе все.

11

Словно ответ на вопрос, «гроб» с щелчком резко открылся, точно выехал ящик из стола. В следующую секунду оттуда восстал «мертвец». Удивление, переросшее в ошеломление, превратило всех на несколько мгновений в статуи. Этому агентессе хватило с лихвой, чтобы открыть стрельбу с двух рук из «тихий» пистолетов, разя всех наповал.

Сорвав маску, Марьям выпрыгнула из своего кокона, так по-идиотски раскрытого, и попыталась спрятаться за каким-нибудь контейнером, но, увы, ничего не получилось, все уже спешили на странный шум. Ее спасла только запоздавшая реакция охранников, ну никак не ожидавших такого поворота событий. Вступать в безнадежную перестрелку с превосходящим числом и вооружением противником она не собиралась, как не собиралась сдаваться. Имелся еще один сюрприз, предусмотренный и на случай раскрытия.

Укрывшись за контейнером, от которого срикошетило несколько пуль, агентесса, присев, вдавила кнопку на часах, и в тот же миг сработала система самоликвидации кокона. Всех, кто успел подбежать к месту происшествия, хорошо приложило осколками и ударной волной, надолго выведя их из строя.

– Поспите мальчики, целее будете...

Марьям, подхватив трофейный автомат и несколько обойм к нему, поспешила на выход из грузового отсека. Осталось еще только трое заслуживающих внимания противников: один охранник и два комитетчика. Экипаж не в счет. Они гоняться за ней не будут.

Агенты КФБ требовались ей живыми, хотя бы один. Она быстрее своих оппонентов добралась до шлюзового отсека, потому что он располагался ближе к грузовому отсеку, чем к кают-компании.

Как того и ожидал лейтенант Лайн, допрос с помощью полиграфа капитана, первого помощника и боцмана ничего не дал. Диаграммы бежали ровные, значит, допрашиваемые давали правдивые ответы. И по ним выходило, что никакого запрещенного, незарегистрированного груза и тем более людей на судне нет.

«Или о нем капитан и его команда ничего не знает, – подумал Фридрих. – Такое тоже бывает. Теперь все зависит от того, нашли ли что-нибудь ребята...»

И тут корабль тряхнуло в третий раз. Но как-то иначе, чем первые два раза. Эхом прошелся по коридорам гул.

– Что это было? – быстро спросил лейтенант у капитана.

– Не знаю...

– Это из... из грузового отсека, – холодея, сказал боцман.

– Это взрыв, – добавил сержант из бывших абордажников.

Абордажнику можно верить на все сто. Ему ли, бывалому бойцу с десятками абордажей торговцев за плечами, не знать о взрывах в замкнутых пространствах кораблей.

– Ч-черт!

Фридрих Лайн схватился за рацию и попытался вызвать начальника досмотровой команды. Но на связь никто не выходил. Вместо этого на связь с командиром охранников вышел один из его подчиненных.

– Что?! – взглянул на него лейтенант.

– На судне посторонний. Он находился в контейнере, в специальном укрытии... это он рванул. Несколько человек убиты, остальные тяжело ранены.

– Проклятье!

Лейтенант потратил несколько секунд на раздумья, а потом махнул рукой:

– За мной! Он не должен покинуть судно!

Выскочив из кают-компаний, лейтенант остановился, не зная куда двигаться, к шаттлу или же к ходовой рубке «Фаербола». Он еще никогда не попадал в подобные переплеты и невольно бросил вопрошающий взгляд на абордажника. Этот бугай олицетворял само спокойствие, даже стыдно как-то мельтешить перед ним.

– Нужно разделиться... – сказал он.

– Точно. Ноэль, давай к рубке, – послал лейтенант своего помощника, – а мы к шаттлу. Не думаю, что он уже там, мы его встретим.

Абордажник согласно кивнул, поддерживая распределение сил.

– Побежали...

Группа разделилась, и лейтенант побежал за абордажником, почувствовав себя в родной стихии боя. Но, увы, по пути к шлюзовому отсеку противник им на дороге не встретился, только ошалелые члены команды, выбегавшие кто откуда, коих сержант чудом не поубивал чисто рефлекторно, но все же вовремя отводил ствол вверх.

Одного из членов экипажа они встретили у шлюзовой камеры.

– Чужие были?! – буквально набросился на него лейтенант.

– Д-да...

– Сколько?!

– Один...

– Где?!

– Он побежал туда... к рубке... после того как понял, что в шаттл не попасть...

Люк в переходный отсек действительно закрыт, и на шаттл чужому в любом случае не пробраться. Пилот просто не откроет, увидев, что за бортом кто-то посторонний. Не откроет, даже если будут угрожать расправой кому-то из досмотровиков, не говоря уже о членах экипажа самого грузовика.

– Хорошо... побежали к рубке, – позвал за собой абордажника лейтенант. – Прихлопнем его там. Сейчас, только Ноэля предупрежу...

Но стоило им сделать всего несколько шагов прочь из шлюзового отсека, как сзади раздалась короткая очередь, и Фридрих Лайн почувствовал, как у него за спиной рухнуло тело абордажника. А в следующую секунду упал он сам с прострелянной ниже колена левой ногой. Боль тут же сковала все его тело и сознание.

Из шлюзовой камеры шагнула женщина с автоматом наперевес.

– Спасибо, – поблагодарила она матроса, положив руку ему на плечо, – ты сделал все как надо, и Конфедерация не забудет твоего мужественного поступка по охране Закона, по достоинству наградив. А теперь иди.

– Д-да, мэм... спасибо, мэм...

– Ну а ты чего разлегся? Вставай и руки держи на виду. Любое резкое движение и ты труп. Понял или повторить?

Лейтенант с трудом поднялся. Женщина запаслась еще боеприпасами к автомату.

– Вы что, мадам, совсем спятили? Вам же ни за что не скрыться от нас на этой калоше...

– А кто говорит про этот грузовик? Нет, я полечу на вашем, быстроходном и безопасном. Но сначала вызови своего напарника.

– Какого напарника?

– Не юли. Вас двое было. Давай.

– Хорошо...

Лейтенант, презирая себя за то, что попался, да еще женщине, под дулом автомата вызвал Ноэля, сказав, что противник задержан, и приказал ему срочно явиться на швартовую палубу.

– Не убивай его хотя бы.

– Не буду.

И действительно, с Ноэлем она поступила гораздо гуманнее, просто врезав ему прямо в лоб прикладом, когда тот только просунул голову в люк. На лбу у него начала пухнуть красная шишка. Фридрих даже не подозревал, что так бывает – она росла с каждой секундой.

– Открывай шлюз в шаттл, – обратилась она к лейтенанту, который сидел у стены с кляпом во рту и зажимал рану на ноге рукой. – Кляп можешь снять. А то неестественно будет.

– Вы сумасшедшая... – сказал он, отплевываясь, но не помогало.

Тряпка попалась грязной и воняла не пойми чем. А уж вкус...

– Наверное. Но это ничего не меняет. Поторапливайся. Ну и, понятное дело, без глупых героических шуток, а то с тобой может случиться всякое такое, что плохо отражается на здоровье, а то и вовсе на жизни...

– Ясно.

Лейтенант Лайн вошел в переходный люк и дошагал до люка непосредственно в шаттл.

– Открывай, Мочила...

– Уже закончили?

– Ага...

Люк открылся, и Марьям распахнув его пошире, от души треснула лейтенанта прикладом по голове, от чего он потерял сознание, а на голове начала так же быстро набухать шишка.

Десять секунд – и она уже входила в пилотскую кабину.

– Не дергайся, Мочила. Ничего не трогай, а то останешься без рук.

– И не думаю... – медленно и примирительно поднял руки пилот.

– Люблю понятливых людей.

– Что делать?

– Пойдем, поможешь своему товарищу. Он слегка ранен...

Мочила покладисто отправился на выход. А как иначе, если ты под прицелом? Там он перебинтовал под взором бой-бабы молодого комитетчика, а потом перетащил его в кабину, где посадил на место отсутствующего второго пилота. Потом дошла очередь до второго агента КФБ, еще совсем мальчишки. Они особенно рьяные в работе. Его посадили в одно из пассажирских кресел, связав по рукам и ногам, и пристегнули.

– Полетели.

– Куда? – удивился Мочила?

– На ваш корабль естественно.

– Ну да... куда же еще... – согласился он, принявшись за работу.

– Предупреждаю, я знаю весь алгоритм действий запуска двигателей и управления, так что одно лишнее движение, один лишний задействованный переключатель – и пуля в твоей голове. Я доходчиво объяснила?

– Вполне.

– И держи рот на замке.

– Естественно... я ж все понимаю...

– Тогда поехали.

12

Марьям тем временем привела в чувство лейтенанта, подсунув ему под нос нашатырь из аварийной аптечки, не забывая поглядывать на пилота со странным позывным-кличкой Мочила. На убийцу он походил мало, но кто его знает? Может просто кого-то когда-то обоссал, отсюда и кличка.

– Уберите... – стал отмахиваться от нашатыря лейтенант.

– Выйди на связь и скажи, что все в порядке. Все строго по уставу, ни одного лишнего слова, паузы или вариации интонации.

– Понял, – кивнул Лайн и застонал.

Голова пошла кругом, заболело в глазах, к горлу подкатила тошнота.

– Вы сделали мне сотрясение мозга... – пожаловался он, осторожно потерев затылок.

– Скажи спасибо, что не убила. Ибо сотрясение еще можно вылечить, в отличие от смерти.

– Спасибо...

– Не за что. А теперь за работу...

Все также под прицелом уже пистолета, с автоматом в кабине шаттла особо не развернешься, лейтенант Лайн сделал сообщение, что они возвращаются, закончив проверку судна. Ему лаконично ответили:

– Принял.

– Вы что же, собираетесь штурмовать наш корабль? – спросил Фридрих.

– Ну да. Что в этом такого?

– Вы не пройдете и трех метров, как вас подстрелят в вашу симпатичную попку.

– Не подстрелят.

– Это, наверное, будет забавно, – хмыкнул Мочила, продолжая рулить шаттлом, чтобы приноровиться к «Сторожу».

– Что именно? – не поняла агентесса.

– Баба в одиночку будет брать на бордаж корабль полный мужиков, треть из которых сами раньше брали торговые корабли на бордаж.

– Вся эта треть заперта в грузовом отсеке на «Фаерболе», частью убитая, остальные раненые, – хмуро напомнил лейтенант.

На этом пустые разговоры прекратились, и шаттл, сблизившись со «Сторожем», начал процедуру швартовки.

– Извините, ребята, – сказала агентесса, когда швартовка завершилась.

– За что? – недоуменно спросил Мочила.

– За это...

С этими словами Марьям снова повергла лейтенанта и пилота в нокаут точными ударами приклада автомата.

– Отдохните пока, а у меня еще много важных и трудных дел.

На шаттле в специальном шкафу имелся дополнительный арсенал, начиная от мелкокалиберного вооружения с боеприпасами и заканчивая гранатами. Марьям с большой охотой дооснастила свой скудный комплект несколькими гранатами, взяв три обычных осколочных, две дымовые слезоточивого действия и, немного подумав, одну зажигательную – напалм.

А чтобы самой не испытать все прелести слезоточки и не задохнуться от недостатка кислорода во время горения напалма и работы пожарной системы прихватила противогазную маску. Теперь можно смело идти на бордаж.

Открыв люк переходного отсека, Марьям сразу же бросила внутрь корабля на палубу две штуки светодымовых, также нашедшихся в арсенале, и шагнула следом.

Встречающие, слепо шурясь, зажимая по очереди то уши, то глаза, со стонами валялись на палубе, ничего не понимая. Агентесса, не задерживаясь на швартовой палубе, метнулась по проходу в сторону ходовой рубки.

– Прочь! А то всех перестреляю! – кричала она, когда видела кого-то из членов экипажа впереди.

Впрочем, помешать ей кто-то в принципе не мог, ни по желанию, ни по возможности. В конце концов, никто не носил оружия просто так. Служили опять же люди сугубо мирные, пороха не нюхавшие, и потому все спешили куда-нибудь убраться. Геройская смерть никого не прельщала.

Марьям же сбросила дымовые слезоточивые гранаты одна за другой, если кто-то все же бросится за ней в погоню, не все же здесь такие слюнтяи, если уже не идут по пятам. Густой едкий серый дым их задержит, даже если им удастся задержать дыхание и пару минут не дышать. В конце концов, даже чтобы на ощупь пробраться просто по прямой, нужно некоторое время, и этого ей будет вполне достаточно.

А напоследок, на пятачке в самом носу корабля, где сходились все коридоры, которые, точно все дороги, ведущие в Рим, шли к ходовой рубке, Марьям поставила зажигательную гранату. Жидкий огонь, спустя полминуты после срабатывания замедлителя, закрыл все ходы, и теперь уже никто не мог подобраться к ней с тыла. Напалм горел даже несмотря на старания противопожарной системы, замещающей кислород негорючим газом.

В рубку удалось попасть до смешного легко. Кто-то выскочил, и прямо под дуло ее автомата.

– Куда это ты спешишь, прыткий?

– А-а... э-э...

– Давай назад.

– Да, мэм...

– Всем оставаться на своих местах... – сняв маску, заявила Марьям, закрыв за собой дверь.

– Что происходит? – спросил, по всей видимости, командир корабля.

– Я взяла вас на абордаж!

– Ясно... – кивнул Генрих Хайт после короткой паузы, во время которой до него дошел весь смысл сказанных слов. – Вы, простите, кто будете?

– Не ваше дело...

– Хорошо, – не стал спорить капитан «Сторожа». – Чего же вы хотите? Я так понимаю, вас раскрыла досмотровая команда, вы разоблачены и теперь вам надо убраться отсюда куда подальше?

– В целом ты мыслишь в правильном направлении, парень.

– Хорошо, мы не имеем ничего против. На нашем корабле есть действующий гиперпривод, и мы можем доставить вас в любую систему в пределах одного гиперперехода, где вы... сойдете.

– А вот сейчас ты меня разочаровал. Я уже на месте и никуда более прыгать мне не надо. Идем к планете.

– Но вы же разоблачены! – искренне изумился капитан Хайт. – За вами будут охотиться все агенты КФБ, не считая полиции!

– Не имеет значения... – упрямо ответила Марьям. – Давай к планете, на полном ходу.

– Как скажете.

То, что с ней произошло, действительно полный провал, и она с чистой совестью могла отказаться от дальнейшего задания. Более того, она должна отказаться от задания. Но сделать этого агентесса не могла по многим причинам.

Во-первых. Она после последнего своего задания и без того слишком долго оставалась без оперативной работы, под которую была заточена. Отказаться сейчас, это значит на несколько лет обречь себя на бумажную работу, а это просто невыносимо. Это как гончей собаке остаться без своего любимого занятия – бега, тут же загнется.

Во-вторых, отказаться сейчас – это значит заполучить клеймо «провальной» после провала предыдущего задания. А ей после такого пришлось потратить столько сил, чтобы попасть в новую программу. И все это слить в унитаз из-за чистой случайности, произошедшей не по ее вине?! Нет, кровь из носа и прочих мест, но она должна довести хотя бы эту операцию до победного конца.

Сделает все как надо – победителей не судят, и все забудут об этом самоуправстве.

Провалится... Ну что ж, значит судьба ее такая и ей просто не место в органах. Остается только уволиться, если ее не уволят с позором, родить детишек от какого-нибудь менеджера среднего звена и выращивать цветочки в горшочках.

«Бр-р... Ничего, – успокаивала она себя, – уже на месте сделаем новое лицо и документы, это не проблема. И продолжим работу».

13

Потянулись долгие часы путешествия к планете назначения. Экипаж корабля попытался поначалу организовать что-то вроде контрзахвата власти, после того как справился с пожаром, но хватило одной осколочной гранаты, брошенной из рубки, пары коротких очередей по стенам и обещания перестрелять к чертям собачьим весь командный состав, чтобы остудить их пыл. А потом командир корабля вышел на связь со своим экипажем и призвал всех сохранять спокойствие.

– В конце концов, мы идем к планете, а там ей никуда не деться, – добавил он под одобрительный кивок Марьям.

– Правильно сказал. Это их успокоит лучше всего, и ни у кого не появится незапланированных природой дырок в теле.

– Мне просто интересно, мэм, как вы собираетесь добраться непосредственно до планеты? – спросил Генрих Хайт, после того как члены экипажа успокоились. – Ведь нас там уже ждут.

– Успел подать сигнал?

– Конечно.

– Ну, если они не раздолбают «Сторожа» в пух и прах вместе со всем экипажем только ради того чтобы уничтожить одного единственного агента Конфедерации, то проблем у меня никаких не возникнет. Они ведь не станут сбивать ваш корабль, или станут?

– Не думаю... – ответил капитан, сглотнув, не будучи полностью в этом уверенным.

«Кто их знает?» – подумал он.

– Вот и я так думаю. Слишком уж это дорого. Вот и гиперпривод у вас еще на месте, не сняли, а эта штука дорогая и терять ее ни к чему из-за какого-то засветившего себя агента.

– Вы так уверены в себе?

– Уверена.

Хотя, если честно, чем ближе к планете они подходили, тем меньше этой уверенности у нее оставалось. В голову лезли всякие мысли: а правильно ли она поступила? Не подвергает ли она из-за личных мотивов опасности всю операцию и уже внедренных агентов? Еще можно все повернуть вспять... Но нет, что-то мешало агентессе так поступить. Она верила что все получится, должно получиться.

Вот и планета, еще час пути. Ее уже можно разглядеть в сильном увеличении как мутный голубовато-зеленый шарик.

– Ну что, капитан, нас встречают почетным караулом?

– Хм-м... да, мэм, встречают.

– Кто?

– Два корабля типа нашего. Через тридцать минут мы встретимся.

– Я так понимаю, капитан, они, чтобы остановить нас, скорее всего, постараются подбить маршевые двигатели?

– Да, мэм.

– Не дайте им этого сделать. Идите на максимуме и маневрируйте так, чтобы нас затошнило. Вы поняли мою мысль?

– Конечно.

– Тогда вперед.

– Есть... – кивнул капитан, представляя, как долго его будут мурыжить агенты КФБ. Весь мозг вынесут.

«Не посадили бы за пособничество врагу», – с содроганием подумал он.

Сажали и за меньшее, так что вскоре пришла другая мысль: не расстреляли бы.

Уволят точно.

Тридцать минут ровного полета сменились веселыми горками. Встречающие так и вились вокруг, действительно пытаясь засадить по двигателям «Сторожа». Но у них мало что получалось. Снаряды электромагнитных орудий большей частью пролетали мимо, остальные били в борт.

В дело, уже в непосредственной близости от цели, вступили самолеты «шмель». Им удалось повредить один из двигателей из своих плазмодинамических скорострельных пушек. Но это уже не имело никакого значения. Корабль выходил на орбиту планеты и маршевые двигатели все равно уже пора отключать.

– Капитан, у вас на борту есть самолеты? – спросила Марьям.

– Да... Вы хотите сбежать на одном из них?

– Мысль хорошая, но невыполнимая.

– Не умеете пилотировать, – понимающе кивнул капитан Хайт.

– Умею. Но не в этом дело, до них еще добраться надо, а это лишняя беготня по вашему кораблю, где у меня совсем нет друзей... А теперь скажите, какие у вас самолеты и сколько их?

– Два «шмеля».

– И все?

– Да.

– У вас же загрузка до восьми машин...

– Их и без того немного осталось, мэм. А из того, что есть, восемьдесят процентов отдали в учебные части.

– Отлично. То, что мне нужно: два «шмеля» и ни одного крылатого...

Никто не сможет последовать за ней, по крайней мере с этого корабля точно. На других кораблях скорее всего с авиацией та же ситуация.

– Что нам дальше делать, мэм?

– Снижайтесь на самую низкую орбиту.

– Вы хотите, чтобы мы сели на этом корабле на планету?!

– Нет, такой экстрим мне ни к чему. Просто делай как я говорю.

– Да, мэм...

«Сторож» пошел на сближение с планетой.

– Четыреста километров до поверхности... Триста... Двести... Сто... Мы находимся на самой низкой орбите, мэм.

– Давайте до семидесяти.

– Но это уже стратосфера!

– Не заставляй повторять дважды, – сказала Марьям, чуть тряхнув автомат на плече.

– Да, мэм...

Корабль при входе в верхние слои атмосферы затрясло. Пошли первые огненные всполохи.

– Семьдесят! Что теперь?!

– Ничего. Держите высоту минимум две минуты... и не дергайтесь. Если не исполнишь приказ, я вернусь и сделаю тебе больно. Ты понял?

– Д-да.

Припугнув экипаж, агентесса вышла в центр рубки управления. Здесь имелся люк, ведущий в спасательный шлюп для комсостава корабля. Сдернула пломбу, оттянула рычаг и открыла люк. Шлюп, к счастью, находился на месте.

«А ведь могло и не быть!» – с некоторой дрожью подумала она, осознав, что за все это время она даже не проверила его наличие, априори полагая: он обязательно присутствует.

Конечно, это не смертельно – воспользовалась бы другим шлюпом, разве что пришлось бы побегать по кораблю, рискуя неприятностями в общении с обозленным экипажем.

Но зачем об этом думать? Все в порядке.

– Прощайте, ребята. Было очень приятно с вами пообщаться.

– Увы, мэм, но мы не можем сказать того же самого... тем более от еще предстоящего общения с мордоворотами из КФБ...

– Вам просто не повезло.

Марьям, усмехнувшись, прыгнула вниз, открыла еще один люк уже непосредственно спасательного шлюпа и оказалась внутри него. Пристегнулась к креслу, произвела еще несколько нехитрых манипуляций, подтверждая отстыковку от корабля, и шлюп камнем полетел вниз.

«Сторож» прошел над ее головой огненным метеором и из-за подбитого двигателя тяжело стал набирать высоту, стремясь обратно в родную стихию пустоты.

С орбиты ее уже не достать. Теперь главное выбрать место для посадки. Естественно, для этого океан никак не подходит, а именно в него она, похоже, несется, точнее к прибрежной полосе, где легче и безопаснее всего приземлиться спасательному шлюпу. Он, конечно, приспособлен держаться на воде, но в этом случае она станет беспомощной и ее вскоре поймут спасатели, то есть комитетчики, чего никак допустить нельзя. Нужно выбрать лес или горы поближе к населенным пунктам. Там она еще побеждает...

Определив подходящий участок, Марьям взялась за штурвал и отключила автопилот.

14

Помимо орбитальной ремонтной станции Касабланка славилась своей авиашколой, которая многократно разрослась с того момента, как данная звездная система вступила в Союз независимых миров. Оникс заблаговременно позаботился о кузнице будущих пилотов. Он вообще много о чем успел позаботиться...

Приближалась неминуемая война, и пилотов для нее требовалась прорва. Их готовили по ускоренной системе и упрощенной летной программе, давая только основные знания и навыки. Три месяца усиленной учебы – и пилот готов. Теоретически. А вот практически...

Набирали парней и даже девчат со всех миров СНМ. Тут Оникс оказался прав – молодежь рвалась со своих опостылевших им планет, от тяжелой и нудной работы. Они жаждали приключений, и приключения в скором будущем ждали их.

Тут даже не требовалась идеологическая обработка, но и ею не пренебрегали. По часу в день профессионалы от психологии из КФБ изображали перед курсантами Конфедерацию как какого-то монстра, желающего задушить свободные миры. Курсанты с прокомпостированными мозгами искренне хотели защитить Союз, положить на алтарь свободы собственные жизни.

Каин Иннокент, помимо того, что являлся адмиралом, командующим обороной системы, занимал должность начальника Академии. Впрочем, делами Академии он почти не занимался – и без того много дел с ремонтом Первого Флота. Кроме того, он не мог смотреть на этих ребят с горящими глазами, видя в них лишь... дрова. Дрова, которые сгорят в первом же реальном сражении.

Так и тянуло застрелиться. Хорошо, что с пистолетом ходить нельзя.

Ведь даже у выпускников нет никакого реального налета. Все, что они имеют, это десятки, сотни часов тренажера, а тренажер и реальное пилотирование это разные вещи. Из стен Академии уже вышло четыре выпуска, каждый больше предыдущего процентов на двадцать-двадцать пять. Итого в строй уже готовились встать почти четыреста горе-пилотов. За оставшееся время предполагалось подготовить раза в два больше. А ведь имелись еще две школы, не такие большие, но и там готовили летчиков-мотыльков.

Конечно, после распределения по летным частям они наконец получали возможность полетать на старых машинах, которые не списали и их двигатели не отправили на установку в торпеды лишь по какому-то недоразумению. И эти машины – «соколы», «нейтроны», а в космосе бескрылые «шмели» – не стояли без дела. План полетов был расписан на многие недели вперед. Только успевай заправлять топливом да проводить хоть какой-то технический осмотр и в учебный полет.

Новые машины вот-вот должны поступить. Их, как и корабли, производили на заводах Акинареса. На Касабланке тоже пытались развернуть строительство истребителей, подумать только – на автомобильном заводе!

Один из крупнейших заводов как раз перепрофилировали под это дело, правда двигатели и бортовую авионику все равно придется завозить со стороны, и уже на месте произведут окончательную сборку. Как обещали инженеры, месяца через три-четыре с конвейера автозавода сойдет первая летающая машина. Оставалось только гадать, что это за зверь такой будет...

Адмирал Каин Иннокент в конце дня пролистал свой ежедневник с делами на следующий день, что-то вычеркивая, перенося на другие дни, что-то добавляя. Завтра ему как раз полагалось присутствовать на четвертом выпуске в Академии.

В комнату запросился адъютант.

– Да, Челендж?

Зашел прямо-таки светящийся улыбкой майор Коширо.

– Вижу, у тебя хорошие новости?

– Да, сэр, новости хорошие.

– Хорошо, а то с ними в последнее время тугο. Так что у тебя?

– Только что поступила информация, нам привезли первую партию самолетов. Пятьдесят штук. Идет разгрузка.

«Вот и подарок к выпускному для мотыльков, – подумал Каин. – Их стальная оболочка, впрочем, гореть она будет ничуть не хуже хитинового пуха».

– Спасибо, майор, можете быть свободны.

– Да, сэр...

Иннокент нашел брошюру по характеристикам самолета и еще раз посмотрел ТТХ истребителей, что станут основным самолетом Вооруженных Сил и Военно-космического флота СНМ.

Это тоже предсмертный выбор Оникса, как и фрегат ТТ-602 «кочевник» без гиперпривода. Самолеты вполне ему под стать.

ИУ-42 «стриж» атмосфера-космос. Всего пять метров длиной! Один ходовой двигатель. Что само по себе плохо, если его повредят... Даже трудно поверить, что такой горбун, который представлял собой «стриж», в принципе может преодолеть притяжение планеты и вырваться за пределы атмосферы. Впрочем, делать это в боевых условиях для перехвата противника не рекомендовалось – только напрасная трата топлива, достигающая девяноста процентов. Полетать в космосе остается всего ничего. А подвесные баки не предусмотрены.

Опять-таки, чтобы развить достаточную мощность и скорость и из-за того, что объем бака достаточно мал, топливо очень энергоемкое, что опасно само по себе. Может детонировать не хуже однотонной бомбы даже от жесткой посадки с подломом шасси, (чего не избежать при нынешней выучке пилотов).

Конструкция самого самолета и авионики максимально проста. Наберется едва ли десятая часть приборов и датчиков от того, что привык видеть Каин на приборной панели «протона» и даже том же «нейтроне» или «соколе». С этими «стрижами» могли сравниться разве что такой бескрылый хлам как Т-40 и «шмель».

Вооружение тоже весьма скупое. Одна газоплазодинамическая трехствольная роторная пушка. Один «медленный» пулемет.

«Лучше бы вторую пушку поставили», – подумал Каин, но, еще раз взглянув на силуэт самолета, понял, что его просто некуда вставить, пулемет и то непонятно как впили.

Разумеется, имелись подвески для ракетного вооружения. Никаких кормовых ракет, только противоракетная защита в виде одного блока противоракет на шесть подрывов, хотя их минимум нужно два и два блока противоракетных шашек.

Что поделатъ, СНМ не до жиру. Минимум затрат при максимуме эффективности. Этим принципом пронизано все военное строительство. Под «стрижи» даже специальные авианосцы не строили. Как раз на ремонтной станции Касабланки переделывали два потрепанных фрегата в малые авианосцы, которые уже в принципе не могли участвовать в активных боевых действиях в своем прежнем качестве, как их не ремонтируй. Снимали пушки главного калибра, убрали лишние накопители и резали ячейки под самолеты.

15

– Добрый день, господин адмирал! – встретил Каина Иннокента настоящий начальник летной Академии полковник Алимов, мужчина лет пятидесяти, руководивший авиашколой с момента ее открытия и сохранивший должность при новой власти.

– Добрый...

– Вы в последнее время редко к нам заглядываете.

Каин невольно усмехнулся. Он вообще в Академии в пятый раз.

– Что поделать, дела.

– Понимаю.

– Но этот день я пропустить не мог.

– Да, сегодня у нас торжественный день! Выпускаем четвертый состав! – с гордостью заявил Алимов.

Каин посмотрел на полковника и не мог понять, действительно ли он искренне радуется или же просто притворяется? Ну не мог же такой старый вояка не понимать, что эти мальчики и девочки по большей своей части продукт одноразового использования. Хорошо если половина выживет после первого же серьезного боя и только процентов пять от всего объема выпуска станут действительно достойны звания пилотов, потому что именно война станет их реальной школой пилотирования, а не стена Академии.

«Скорее боится, – подумал Иннокент. – Оно и понятно, в последнее время, после волной прокатившихся акций неповиновения КФБ прямо-таки лютует в поиске неблагонадежных, врагов Союза и их пособников. Тот, кто прямо высказал свое недовольство чем-либо – враг, кто слышал и не доложил куда следует – пособник... Академия уже лишилась нескольких своих преподавателей, что естественно не могло не сказаться на качестве обучения не в лучшую сторону естественно».

Возникла даже мысль остудить пыл Артура Баренцева в охоте на ведьм (или даже неосознанной мести за смерть отца), а то еще немного – и можно остаться без профессиональных кадров. А это чревато весьма неприятными последствиями.

«Так и сделаю», – подумал Каин.

– Идемте, сэр. Вы подросли вовремя, торжество уже начинается.

Полковник Алимов проводил Каина в актовыв зал, где уже собирались выпускники в нарядной парадной форме, не хватало только погон с двумя маленькими звездочками. Вот их-то и собирались вручить в торжественной обстановке вместе с дипломами.

– Смирно!

Выпускники вытянулись в струнку, приветствуя вошедших. Иннокент и Алимов вошли на трибуну и заняли места за столом, где уже сидели прочие преподаватели и инструктора.

– Вольно!

Только что севший на стул Алимов вновь встал и прошел за трибуну.

– Господа курсанты, сегодня для вас наступает знаменательный день, – начал он произносить речь, мало чем отличающуюся от прочих трех речей, что он уже успел произнести перед предыдущими выпусками. – Сегодня вы становитесь полноценными защитниками Союза независимых миров. Уже завтра вы разъедетесь по своим частям, где начнете нести службу на благо нашей родины...

Начальник Академии продолжал что-то говорить, а Каин вспоминал свои чувства, когда он также стоял в предвкушении получить наконец заветные погоны лейтенанта. Вот только он был минимум на пять лет старше самого старшего из присутствующих здесь курсантов-выпускников...

– Господин контр-адмирал, может, вы что-то хотите добавить?

Каин опомнился и едва удержался от того, чтобы переспросить, что выглядело бы очень глупо. Полторы сотни человек смотрели на него с ожиданием, надеждой. Что вполне объяснимо, раз уж к торжеству явился самый главный начальник Академии, значит это неспроста.

«Что ж, я вас не разочарую», – подумал Иннокент и встал.

– Конечно... Ваш непосредственный руководитель сказал все, что нужно было произнести, и повторяться я не собираюсь. Я лишь хочу сказать, что у меня для вас есть подарок, как раз вчера поступила первая партия новых самолетов, на которых вам предстоит летать. А посему лучшие из вас уже сегодня могут опробовать новые птички...

В возгласе «Ура!» потонул весь зал, аж стекла завибрировали. Иннокент едва удержался от того, чтобы не заткнуть уши пальцами.

– Ну, теперь вы для них не только герой войны с Конфедерацией, но еще и отец родной, – улыбнулся Алимов.

Иннокент только поморщился и неслышно прошептал:

– Скорее гробовщик...

И хоть после торжественной церемонии выпуска намечался грандиозный банкет, никто из лучших, окончивших Академию круглыми отличниками, не отказался «опробовать птичек». Более того, плевать они хотели на банкет, поскорее бы оказаться за штурвалом и получить тот кайф от полета, который они так стремились получить и о котором мечтали, возможно, с самого детства.

Каин также намеревался полетать на «стриже», просто для того чтобы понять, на что он способен в принципе и что можно ожидать и требовать от пилотов.

Вот и аэродром. В начале взлетной полосы стоят пятнадцать горбатых машин. Ну натуральные инвалиды, ни дать, ни взять.

– Машины подготовлены? – спросил Иннокент у начальника аэродрома, встречающего высокую делегацию.

Новоиспеченные пилоты, те, что лучшие, в количестве четырнадцати человек уже бежали к машинам, что-то радостно выкрикивая, наверное, деля между собой машины по каким-то своим критериям, хотя они все выглядели одинаково, даже бортовых номеров и тех нет.

– Полностью.

– Вооружение?

– Э-э... сэр, вы же сказали, что будет только пробный полет. Зачем вооружение?

– Да, полет пробный, но мою машину дооснастите вооружением. Заодно проведу стрельбы на соседнем полигоне.

– Ракеты тоже вешать?

– Ладно, можно без них. Как летают ракеты я и так знаю.

– Тогда мы мигом.

Начальник аэродрома отошел и быстро с кем-то заговорил по рации, приказывая на одном из самолетов заправить пушечные короба ГПД снарядами. Вскоре к первому «стрижу» техники подкатили тележки с боеприпасами и завозились с люками технических ниш.

– Все готово, – отчитался начальник аэродрома. – ГПД и пулемет заправлены.

– Отлично...

Каин обошел крохотный самолет – почти игрушка. Качается на шасси даже от несильного нажима на крыло. Взял из рук механика шлем и полез в тесную пилотскую кабину.

– Остальные полетят после того, как приземлюсь я, – сказал он ожидающим молодым летчикам, явно рассчитывавших полетать вместе с адмиралом. – Почитайте пока инструкции...

– Есть, сэр, – не слишком радостно вразнобой ответили они.

16

«Стриж» легко оторвался от бетонки, пробежав всего каких-то сто метров. Управление также оказалось достаточно легким. «Стриж» быстро отзывался на управляющие команды, Иннокент даже с непривычки стукнулся шлемом о колпак кабины. Так и до вывиха шеи недалеко.

– Маневренная – это хорошо... По крайней мере у них будет преимущество в воздухе перед тяжелыми «протонами».

Каин не летал уже много месяцев и первые несколько минут, после того как почувствовал машину, именно почувствовал, будто она продолжение его собственного тела, просто наслаждался подзабытым ощущением полета.

Он даже постарался вспомнить, когда садился за штурвал в последний раз, но ничего не вышло. В последнее время он все больше командовал кораблями, эскадрами и флотами...

Не забывая себе голову пустыми размышлениями, он принялся за дело, совершая различные пируэты, делая свечу, бочку, мертвую петлю, кобру и прочие фигуры пилотажа, которые могли помочь ему понять возможности машины.

Понемногу откровенно скептическое отношение к «стрижу» сменялось чем-то похожим на уважение. Что ж, в атмосфере самолет показывал себя неплохо. Оникс выбрал самую удачную модель из возможных, а их рассмотреть пришлось не одну сотню.

«В атмосферных условиях ставим твердую четверку. Но вот как ты покажешь себя в космосе, вот это другой вопрос. Это мы тоже проверим, только чуть позже. А сейчас немного постреляем...»

Иннокент направил «стриж» в сторону недалеко расположенного от аэродрома полигона. Там для него уже поставили несколько фанерных мишеней в форме танка, машины и группы людей.

Подкравшись к полигону в складках местности, то есть среди гор и холмов, Каин Иннокент непосредственно на дистанции эффективного огня сделал горку и уже с верхней точки переходя в атакующее пикирование начал обстрел мишеней. Фонтаны взрывов плясали по полю, пока пилот не приноровился к целеуказателю и не разделал «технику» под орех. На «пехоту» Каин снаряды от ГПД пожалел и воспользовался обыкновенным пулеметом.

– Ну, с этим тоже вроде неплохо...

Проносясь над полигоном и вздымая вверх, пулей прошив облака, Каин посмотрел на топливный датчик и с сожалением вздохнул. Вырваться на оставшемся топливе на орбиту у него уже не получится, слишком долго веселился с фигурами высшего пилотажа. «Стриж» машина ближнего радиуса действия – и этим все сказано.

Невольно Иннокент посмотрел в быстро чернеющее небо, где уже зажигались первые звезды. Земля сильно округлилась...

– Господин адмирал! Господин адмирал! – нарушил безмятежное состояние Иннокента диспетчер встревоженным голосом.

– Мой позывной – Ригель. Что у вас?..

– ЧП, сэр! С востока на высоте семидесяти километров идет пограничный корабль «Сторож»! Прошла информация, что он захвачен!

Каин повернул голову и ахнул.

Прямо на него... Нет, конечно же, гораздо выше, километров на сорок, и чуть в сторону метеором неслось судно.

– Что за черт?!

– Сэр, просим вас немедленно вернуться на базу!

Каин прекратил набор высоты и пошел параллельным курсом с пограничным кораблем.

– Это не диверсия... он не падает, более того, начал набор высоты...

– Да, сэр... это так, – успокоился диспетчер. – Но от него отделился спасательный шлюп.

– Понятно, в нем, скорее всего, захватчики. И это странно... На перехват кого-нибудь уже подняли? – спросил Каин.

Его радар наконец тоже заметил второй объект. Каин определил его как «цель».

– Мне не известно, сэр...

– Ясно.

Эффективной системы перехвата на Касабланке нет, не говоря уже о других мирах. Все летные части на девяносто процентов состоят из вчерашних курсантов, а самолеты сейчас заняты в учебе, и летать далеко от базы не рекомендуется из-за частых неполадок. Самолетов катастрофически не хватает. А все реальные пилоты на исправных машинах сейчас при реальном деле, служат во флотах СНМ, охраняя рубежи от возможного вторжения. Зенитные ракеты ради этой мелкашки тратить не станут.

– В любом случае уже не успеют. Так что я иду на перехват. Свяжитесь с управлением КФБ и доложите, а также запросите инструкций...

– Каких, сэр?

– Нужен он им живым или сразу можно сбить.

– Да, сэр... понял.

Пока диспетчер связывался с соответствующими органами, Иннокент, стараясь экономить изрядно растраченное топливо, приноравливался к шлюпу, начавшему активно маневрировать. Пилот шлюпа примерялся к управлению, и как только пообвык, направился в сторону северных гор. Они там высокие, скалистые и снежные... В общем, хрен там кого найдешь и тем более поймашь.

«Стриж» быстро нагонял активно снижающийся шлюп. Он уже сблизился с ним настолько, что мог стрелять даже из «медленного» пулемета. Пилот шлюпа наконец заметил его и стал делать неуклюжие попытки как-то отделаться, увеличив тягу. Но спасательный шлюп для резких маневров в атмосфере не предназначен, как, впрочем, и в космосе, так что все потуги оказались тщетны.

Наконец на связь вновь вышел диспетчер:

– Господин адмирал... то есть Ригель...

– Ну, чего там?

– Сказали, что желательно захватчики им нужны живыми. Но в случае если противник будет уходить или его невозможно принудить к сдаче – уничтожить всеми доступными способами.

– Ясно.

Каин переключился на общий канал связи и попытался выдвинуть пилоту шлюпа ультиматум, дескать, следуйте за мной, в случае неподчинения будете уничтожены, но тот сказался глухим и продолжал двигать на север, все снижаясь и снижаясь, не оставляя попыток оторваться.

Иннокент все же сделал вторую попытку, уже показав визуально. Сблизившись со шлюпом на критически близкое расстояние, когда неверный маневр любого из них мог закончиться катастрофой для обеих машин.

В ответ на его характерные жесты пришел не менее понятный: средний палец.

– Ну ты сволочь! Хотел я с тобой по-хорошему, но ты сам виноват...

Иннокент вновь пристроился шлюпу в хвост и включил систему вооружения, после короткого раздумья выбрав пулемет. Так гуманнее. От плазмодинамической пушки спасательный шлюп просто разнесет на куски. Брони на нем совсем никакой нет.

Противник начал метаться из стороны в сторону, и первые очереди прошли мимо, либо срикошетили от корпуса.

Запищал и тревожно замигал датчик топлива. Его оставалось едва-едва на то, чтобы вернуться обратно на аэродром.

– Вот зараза!

Каин решил зайти чуть сбоку и сверху. На этот раз ему удалось подбить шлюпу двигателя. Они задымили, и пилоту не осталось ничего другого как включить систему пожаротушения, предварительно их отключив.

– Ну, ты ас... – уважительно хмыкнул Каин, увидев, как действует пилот.

Шлюп не пошел к земле точно камень, а продолжил планировать, сохраняя прежний вектор движения. Конструкция самого шлюпа, а также запас скорости и высоты позволяли ему это. Более того, по всей видимости, он даже с такими повреждениями достигал своей цели, несмотря на то, что до гор оставалось еще не меньше сотни километров.

– Уйдет.

Переключив систему вооружения с пулемета на ГПД, Иннокент нажал на гашетку, и от шлюпа стали отлетать целые куски обшивки, нанося неустранимые внутренние повреждения. ГПД буквально резало шлюп пополам. Взрывом оторвало правое крыло, и суденышко, завертевшись, закрутившись, наконец понеслось к земле в неуправляемом полете.

– То-то же.

Лишь у самой поверхности раскрылся купол парашюта.

– Дальше не мое дело, – сказал себе Каин, фиксируя место падения.

Стрелять в человека на парашюте он не собирался ни под каким предлогом, даже если он враг. Ему хватило в свое время расстрела беспомощных, когда он вязал себя кровью с пиратами, и повторять пройденное не хотелось.

Развернув «стриж», Иннокент поспешил назад. От мигавшего и пищавшего датчика уже становилось дурно.

17

Марьям застряла в ветвях на высоте трех метров от земли. Жутко болела нога. Вывих? Перелом? Ни первое, ни тем более второе ей совсем некстати, когда нужно убежать со всех ног.

«Лучше бы я сломала руку», – в отчаянии подумала она.

Три метра – вроде бы не высоко, но приземляться на ногу с неясной степенью повреждения не дело. Агентесса стала раскачиваться на стропах, чтобы зацепиться за одну из нижних веток и по ней тихонько слезть на землю. Наконец ей это удалось и она, обрезав стропы парашюта, села на толстой ветке.

Тихий треск – и в следующий момент Марьям, едва успев нелепо взмахнуть руками и испуганно вскрикнуть, очутилась на земле лицом вниз, осыпаемая листвой.

В следующую секунду лес наполнился протяжным криком боли. Перестав кричать, она перевернулась на спину, бережно прижимая левую руку к груди. Острая боль в районе запястья не отступала.

Проклятье... Выйти невредимой из передраги обнаружения тайника, абордажа чужого судна, уцелеть во время обстрела истребителем и крушения спасательного шлюпа, и все это для того, чтобы убиться, упав с дерева?

Полежав минуту, определяя все ли с ней в порядке кроме, разумеется, руки, она аккуратно села.

– Вот это уже реально перелом... Спасибо тебе, Господи, ты услышал мою молитву, – иронично произнесла агентесса, обратив лицо к небесам.

Смешно, но нога действительно больше не беспокоила. Видимо, вправилась при падении. Земля оказалась достаточно мягкой, так что помимо перелома руки она больше не пострадала. Ушибы и мелкие порезы не считаются.

Убедившись, что перелом закрытый, она быстро оказала себе первую медицинскую помощь, воспользовавшись аптечкой, прилагающейся к парашюту, наложила надувную шину и вколола обезболивающего. Съела таблетку стимулятора. Бегать сейчас придется много.

– Все... теперь уходим.

Агентесса бежала не останавливаясь, на север, к якобы спасительным горам. Вообще-то тут была своя логика. По разумному размышлению бежать на север человеку, стремящемуся туда с самого начала, засветив маршрут, глупо, и всякий преследователь решит, что преследуемый сменил направление, чтобы запутать следы, и будет искать где угодно, только не на прежнем пути следования. Потому Марьям, как лось, а точнее лосиха, пробежав пару километров на юго-восток практически не разбирая дороги, сминая землю и ломая ветки, выбрала северное направление, далее стараясь не оставлять слишком четких следов.

Силы быстро покидали ее, она уже давно ничего не ела, так как в ее коконе не предусматривалось туалета, потом стало не до еды. Снова пришлось пользоваться стимуляторами из все той же аптечки. Это резко придавало сил, и она продолжала бежать, уходя все дальше и дальше на север.

Над головой то и дело проносились эти странные горбатые самолеты, но агентесса вовремя пряталась под кроной ближайшего дерева, оставаясь незамеченной. Нет никаких сомнений, что к месту крушения уже доставили группу преследования с опытным следяком и рано или поздно за ней увяжется хвост. Нужно уйти как можно дальше и затаиться, после чего вызвать помощь.

Прошло четыре часа безостановочного бега. Марьям останавливалась передохнуть на минутку только затем, чтобы вколоть очередную дозу обезболивающего, когда начинала ныть рука, или же стимулятора, когда буквально начинала падать от усталости.

Но вот все чаще и чаще над ней стали проноситься самолеты, нарезал круги разведывательный вертолет, и она поняла, что погоня уже на хвосте. Ей так и не удалось запутать следы, когда она делала резкие повороты в сторону от основного маршрута. Она даже пыталась зайти противнику в тыл, чтобы идти по следам преследователей. Но и из этого ничего не вышло, ей просто не хватало скорости, несмотря на стимуляторы.

Преследование вел взвод бывших абордажников, переквалифицировавшихся в спецотряды КФБ. Сервоусилители бронекостюмов несли бойцов по заросшим лесом горам и холмам, через бурьян, точно по ровной местности, и медленно, но верно они настигали свою жертву.

Марьям же действовала как автомат. Возможно, стимулятор заблокировал способность здраво рассуждать и гнал ее все дальше и дальше, иначе бы она поняла, что все бессмысленно, и лишь удлинняет агонию, отсрочивая неизбежное. Требовалось отыскать кардинальное решение проблемы.

Чтобы хоть как-то замедлить продвижение преследователей она поставила на тропе единственную оставшуюся у нее осколочную гранату.

Взрыв, эхом разнесшийся в гористом лесу, не заставил себя долго ждать. Предельно устав, агентесса, отвлекшись на звук, чтобы определить расстояние, споткнулась во время спуска с холма по звериной тропе и кубарем полетела вниз. На одном из витков вокруг собственной оси она хорошо приложилась головой о ствол дерева, и в глазах потемнело.

Далее сознание возвращалось к ней всего на несколько мгновений и угасало вновь. Вот она чувствует, что ее кто-то несет, перекинув, как какой-то мешок с зерном, через плечо, и она, с трудом открыв глаза, затуманенным взором видит лишь полы плаща и обувь, но, к счастью, не армейские ботинки.

В следующий раз она трясется уже в седле какого-то животного. Вновь ее несут на руках. Дом... нет, какой-то сарай... запах сена...

Темнота, сырость, запах плесени и... раздраженные, яростные голоса.

– Где она, старик?!

– Кто?

– Не валяй дурака, старик! Отвечай!

– Я не понимаю, о чем вы говорите...

– Ты что, старик, реально не врубился, с кем имеешь дело?!

– Почему не знаю... знаю. Вы злобные орки...

– Как ты нас назвал?! Будешь и дальше дурковать, мы тебя изуродуем как бог черепаху! Не посмотрим на твои года и седые волосы!

– Ничего другого от орков я и не ожидаю... всех-то вам уродовать...

– Вот старый пень! Ты меня достал!

Раздался сдавленный вскрик, как от удара, и звук падающего тела.

– Хватит, Манделла, остановись, – произнес властный голос, по всей видимости командира отряда преследователей. – Так ты от него ничего не добьешься, только убьешь, не считав силы... Если он такой упертый и зачем-то покрывает эту суку, то давай ему укольчик сделаем. Расскажет все как миленький.

– Давно пора.

Сознание вновь начало гаснуть, несмотря на отчаянные попытки как-то вырваться из этого состояния постоянных провалов. Ведь неизвестного покровителя сейчас проверят с помощью сыворотки правды, он все расскажет, и ее найдут. Кроме того, кто-то шарится совсем рядом с ее убежищем...

18

Когда Марьям вновь очнулась, она обнаружила себя лежащей на жесткой кушетке с тонким матрасом и накрытой старым одеялом. Из одежды на ней только исподнее, и то хорошо, что не голая. Сначала она подумала, что ее нашли и это камера, но прояснившийся взгляд показал, что это не так.

Домик представлял собой сруб, посеревший от времени. Печка, выложенная из камней. На крохотном столе у окна-бойницы оплывшая свечка. Электричества здесь, похоже, никогда не было. В общем, обстановка полностью соответствовала убежищу отшельника, которые по каким-то причинам уходили от людей и жили в полном одиночестве в полном отрыве от мира.

Рука болела, но пока терпимо. Она даже смогла одеться, обнаружив свою одежду почищенной и даже зашитой там, где порвалась во время катания по звериной тропе, цепляясь за крючковатые корни.

– Где этот старик?

Как по волшебству дверь в дом открылась, и внутрь вошел сгорбленный старик со связкой хвороста, в том же плаще, что она запомнила, болтаясь на его плече вниз головой.

«Даже удивительно, как он сумел меня поднять», – удивилась агентесса, ибо старик не производил впечатления не то что силача, но даже сколько-нибудь крепкого человека.

Слишком уж стар. Уже за восемьдесят... Но, может, это обманчивое впечатление из-за сутулости и спутанной седой бороды, достающей до груди?

– Здравствуйте...

– Добрый день...

– Меня зовут... Марьям. А вас?

– Меня зовут Горм. Я – гном.

– Гном?

– Гном, – с невозмутимым видом подтвердил старик.

– Э-э... мистер Горм, спасибо, что подобрали меня и спасли от солдат. Даже не знаю, что бы они со мной сделали.

– Не за что. Тем более это сделал не я, а Оро, он – огр. Мне достались все тумачи орков...

– Так вас тут двое?!

– Можно и так сказать...

Старик со странным именем Горм, представляющий себя гномом, стал заниматься хозяйственными делами. Развел огонь в печи, поставил сковородку на отверстие, которое можно было плотно закрыть круглым камнем, и когда сковородка нагрелась, разбил несколько яиц, но не куриных, а местных лесных птиц, судя по камуфляжной окраске скорлупы.

– Сколько я уже у вас?

– Третий день...

– О ужас!

Только когда поплыл аромат от яичницы, она почувствовала, как зверски голодна, и все прочие мысли, связанные с работой и ее собственной свободой, отошли на задний план. Но они вернулись, как только она насытилась, съев почти все, что приготовил старик, и выпив травяного отвара вместо чая или кофе, что она предпочла бы.

– Простите, мистер э-э... Горм, почему же вы не выдали меня солдатам? – задала она очень интересовавший ее вопрос.

– А почему я должен был вас выдать этим оркам? – в свою очередь удивился Горм.

– Ну, как... они же спрашивали? Требовали...

– Ну и что? Мало ли чего они спрашивают... и требуют.

– Спрашивали так, что солгать нельзя... – настаивала агентесса.

– А я и не лгал. Говорил как есть... особенно после того укола иглой. Нехорошая магия... грязная. Но если я не знал, что вы здесь, как я кому-то мог о вас рассказать?

– Ах да... меня же принес мистер Оро. Он скоро здесь будет?

– Без понятия... – пожал плечами старик. – Он приходит, когда хочет...

Марьям еще раз оглянулась. Что-то здесь определенно не так... С этими отшельниками вообще все не так, но здесь, похоже, особый случай. Если этих сумасшедших стариков двое, то обстановка в доме говорила, что он предназначен для одного. Один стул, одна кровать, один столовый набор, состоящий из одной стальной ложки, жестяной кружки, сковороды и небольшой кастрюли... Все.

Смутная догадка посетила Марьям.

Неожиданно сгорбленный старик разогнулся, став выше ростом и гораздо плечистее.

«Вот и мистер Оро пожаловал», – подумала агентесса. – По крайней мере, в таком своем состоянии этот старик меня унести на плече точно мог без труда и даже на руках пронести в дом».

– Я смотрю, вы уже освоились, – гораздо более мощным голосом сказал старик, окинув взглядом стол с остатками трапезы.

– Я... э-э... – замялась Марьям, не зная, как вести себя с подобными сумасшедшими.

Общаться с людьми, страдающими раздвоением личности, ей еще не приходилось. Люди с подобным диагнозом большая редкость. Страшновато как-то если честно.

– Это мистер Горм меня угостил, – наконец выдавила она.

– А, тогда все ясно...

– А вас, если я не ошибаюсь, зовут...

– Оро.

– Я так и думала... Что ж, сэр, благодарю вас, что спрятали меня от солдат.

– Да не за что.

– Мистер Горм только жаловался, что ему все тумачи достались.

– Не обращай внимания, – отмахнулся старик. – Он меня тоже время от времени изводит своими жалобами на эту тему. Ничего, еще немного побухтит, да и замолкнет...

Марьям кивнула. Теперь все встало на свои места. Горм не мог ее выдать под действием сыворотки правды, потому как к моменту прибытия солдат произошла смена сознания. А одно сознание не ведает, что творит другое...

По такому же принципу в последнее время работают и разведки, программируя агентов от раскрытия контрразведкой противника. Их можно вывести на чистую воду только менто-скопом. А в случае с Оро-Гормом даже он не поможет, потому как очень уж глубоко сидит эта раздвоенность личности, более того, это запущенная психическая болезнь.

И ей просто повезло, что Оро сменил непричастный к ее спасению Горм, потому как этот процесс никак не контролируется, в отличие от разведчиков, способных «запустить» заложенную в него вторую личность в момент опасности. Здесь вообще обе личности фальшивые, так как один считает себя гномом, а вторая – огром. Человек их породивший похоже исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.